

ОДИН ВЫБОР МОЖЕТ РАЗРУШИТЬ ТЕБЯ

ИНСУРГЕНТ

ВЕРОНИКА РОТ

Дивергент

Вероника Рот

Инсургент

«ЭКСМО»

2012

Рот В.

Инсургент / В. Рот — «Эксмо», 2012 — (Дивергент)

ISBN 978-5-699-73058-2

Сделанный выбор может изменить тебя – или разрушить... Но что бы ты ни выбрала, последствия неизбежны. В мире, где живет Беатрис Прайор, нельзя существовать вне одной из фракций. Правдолюбие, Альтруизм. Лихость, Товарищество и Эрудиция... Беатрис выбрала Лихость. Казалось, можно отпраздновать, но иногда любой шаг ведет к пропасти, а сделанный выбор – к войне. В общине Товарищества, где Трис вместе с другими лихачами укрывается от эрудитов, она узнает, что Джанин, лидер ее противников, владеет некоей информацией. Ради этих сведений люди готовы на все. Из-за них погибли родители Беатрис. Теперь и она сама отчаянно пытается узнать правду. Но даже Трис не знает, что может потерять, открыв эту тайну... Книга также выходила под названием «Мятежная».

ISBN 978-5-699-73058-2

© Рот В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	31
Глава 8	39
Глава 9	45
Глава 10	49
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вероника Рот Инсургент

Veronica Roth

INSURGENT

Copyright © 2012 by Veronica Roth Published by arrangement with HarperCollins Children's Books, a division of HarperCollins Publishers

Faction symbol art © 2012 by Rhythm & Hues Design Jacket art and design by Joel Tippie

© Новыш М., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Посвящается Нельсону, ради которого стоило рискнуть всем.

Правда, как и дикий зверь, слишком сильна, чтобы оставаться в клетке.

Из манифеста фракции Правдолюбия

Глава 1

Я проснулась с его именем на устах.

Уилл.

В моем сознании снова всплыла все та же картина – как он замертво рухнул на асфальт. Я убила его.

Сейчас рядом со мной сидит Тобиас, положив руку мне на левое плечо. Вагон поезда стучит по стыкам рельс, у дверного проема затаились Маркус, Питер и Калев. Я делаю глубокий вдох и задерживаю дыхание, пытаюсь хоть как-то ослабить напряжение, сдавившее мою грудь.

Всего лишь час назад произошедшее казалось мне нереальным. А теперь – нет.

Я стараюсь глубоко дышать, но без толку – напряжение не исчезает.

– Давай, Трис, – шепчет Тобиас, пытаюсь поймать мой взгляд. – Надо уходить.

Слишком темно, чтобы понять, где мы, но, наверное, уже недалеко от ограды. Тобиас помогает мне встать и ведет к выходу.

Остальные начинают прыгать один за другим. Первым – Питер, потом – Маркус, а затем – Калев. Я хватаю Тобиаса за руку. Мы находимся на краю, ветер дует мне в лицо, словно отталкивая назад, в самую глубь вагона, в безопасность.

Но мы прыгаем в темноту и сильно ударяемся ногами о землю. И боль от пулевой раны в правом плече снова дает о себе знать. Я прикусываю губу, чтобы не вскрикнуть, и оглядываюсь вокруг в поисках брата.

– В порядке? – спрашиваю я, обнаружив Калеба сидящим на траве в метре от меня. Он потирает ушибленное колено.

Калев кивает, шмыгает носом, чтобы не расплакаться, и я отворачиваюсь.

Оказалось, мы выпрыгнули на траву в нескольких метрах от ограды, возле раздолбанной дороги, по которой грузовики Товарищества возят в город продовольствие. Рядом главные выездные ворота. Сейчас они заперты, наружу не выйдешь. Везде построены сторожевые вышки. Они гибкие и крепкие – на них не заберешься и не повалишь.

– Здесь должны быть охранники, из лихачей, – говорит Маркус. – Где они?

– Очевидно, под влиянием симуляции, – отвечает Тобиас.

Внезапно он замолкает.

– Кто знает, где они и что делают, – наконец, произносит он.

Мы остановили симуляцию. Об этом напоминает вес жесткого диска, лежащего у меня в заднем кармане. Но у нас не было времени оценить последствия. Сейчас мы никак не можем узнать, что случилось с нашими друзьями, с нашими лидерами и фракциями.

Тобиас подходит к маленькой металлической коробочке, закрепленной на правой стороне ворот, и открывает ее. Внутри – клавиатура.

– Будем надеяться, у эрудитов не хватило ума сменить код, – бормочет он, набирая несколько цифр. Когда Тобиас вводит восьмой знак, раздается щелчок, и ворота открываются.

– Откуда ты знаешь шифр? – спрашивает Калев так резко, что я удивляюсь, как эти слова не застревают у парня в горле.

– Работал на посту управления района Лихачества, следил за системой безопасности. Код мы меняли два раза в год, – отвечает Тобиас.

– Какая удача, – заявляет Калев, напряженно глядя на Тобиаса.

– Фортуна ни при чем, – парирует тот. – Я устроился туда, чтобы иметь возможность выбраться.

Я вздрагиваю. Он уверен, что мы уже в ловушке. Я еще никогда не думала о нашем положении подобным образом, и, видимо, зря.

Мы движемся плотной группой. Питер прижимает к груди окровавленную руку, ту самую, которую ему прострелила я. Маркус поддерживает его за плечо, чтобы тот не упал. Кaleb каждые пару секунд вытирает щеки. Я понимаю, что он плачет, но не могу его утешить. Не знаю почему, но сама я не плачу.

И я просто выхожу вперед. Тобиас молча нагоняет меня и идет рядом, одно его присутствие помогает мне продержаться.

Огоньки – первый признак, что мы приближаемся к району Товарищества. Яркие точки постепенно увеличиваются, превращаются в квадраты и, наконец, в залитые светом окна. Это небольшое скопление деревянных и застекленных домов.

Но прежде предстоит миновать сад. Ноги начинают увязать в мягкой почве, ветви деревьев над головой переплетаются, образуя тоннель. Между листьев висят потемневшие, тяжелые плоды. В нос ударяет резкий сладкий запах подгнивших яблок на влажной земле.

Маркус решительно отходит от Питера.

– Все за мной, – произносит он.

Он ведет нас мимо первого здания ко второму, держась левой стороны. Все строения, кроме теплиц, сделаны из грубо обработанного темного дерева и не покрашены. Из открытого окна слышится смех. Контраст между весельем и отчаянием каменной немотой, которая царит внутри меня, разителен.

Маркус открывает одну из дверей. Здесь отсутствуют меры безопасности – члены Товарищества слишком часто переступают линию, отделяющую доверие от глупости.

Сначала я слышу лишь скрип наших ботинок. Кaleb уже не плачет, похоже, он успокоился.

Маркус останавливается на пороге комнаты, и перед нами предстает Джоанна Рейес, представитель Товарищества в правительстве. Я сразу узнаю ее. Джоанну забыть невозможно. Шрам рассекает ее лицо – от правой брови и до верхней губы, упирается в незрячий глаз и мешает ей говорить, заставляя шепелявить. Я навсегда запомнила ее голос. Если бы не этот рубец, она была бы настоящей красавицей.

– О, слава богу, – произносит Джоанна и идет Маркусу навстречу – с расprostертыми объятиями, но лишь слегка касается его плеч. Думаю, она хорошо помнит, что альтруисты не любят физического контакта в повседневной жизни.

– Другие члены вашей фракции добрались пару часов назад, но не были уверены, удастся ли это сделать вам, – говорит она. Рейес имеет в виду группу альтруистов, которые собирались вместе с моим отцом и Маркусом. Похоже, их судьба меня совсем не беспокоит.

Она внимательно разглядывает Тобиаса и Калеба, а потом одаривает взглядом меня и Питера.

– О господи, – восклицает Джоанна, уставившись на рубашку Питера, промокшую от крови. – Я пошлю за врачом. Могу предложить вам ночлег, но вопрос дальнейшего пребывания решит общее собрание завтра утром. И, – многозначительно добавляет она, – вряд ли их обрадует присутствие в нашем районе лихачей. Также я, безусловно, попрошу вас сдать имеющееся оружие.

Я недоумеваю, как она догадалась, что я и Тобиас из лихачей. На мне все еще надета серая рубашка моего отца.

И вдруг его запах – смесь пота и мыла – подымается вверх и заполняет мой нос, наводняет голову мыслями о нем. Я сжимаю кулаки, и ногти едва не протыкают кожу на ладонях. *Не здесь. Не сейчас.*

Тобиас держит руку на пистолете, но, когда я собираюсь достать спрятанное под рубашкой оружие, он хватается за кисть. Затем он сплетает свои пальцы с моими, чтобы скрыть все от посторонних глаз.

Я понимаю, что лучше быть при оружии. Но как хочется избавиться от него сейчас!

– Меня зовут Джоанна Рейес, – официально представляется она, здороваясь за руку со мной и с Тобиасом. Приветствие в стиле лихачей. Меня впечатляет подобное знание обычаев фракций. Я всегда забываю о том, сколь деликатны и предусмотрительны члены Товарищества, пока не сталкиваюсь с этим воочию.

– Это То... – начинает Маркус, но Тобиас перебивает его.

– Меня зовут Четыре, – сообщает он. – А это – Трис, Кaleb и Питер.

Пару дней назад имя «Тобиас» было известно лишь мне. Он поделился со мной самым сокровенным. Вне района Лихачества у парня есть особый повод скрывать свое имя, которое связывает его с Маркусом.

– Добро пожаловать в дома Товарищества, – говорит Джоанна и слегка улыбается. – Позвольте о вас позаботиться.

Мы, конечно, не против. Медсестра дает мне мазь, изобретенную эрудитами, без сомнения, – хорошо заживляющую. Питер остается в больничной палате, где занимаются его рукой. Джоанна отводит нас в кафетерий, мы встречаемся с частью альтруистов, из тех, что были вместе с Калемом и отцом. Здесь Сюзан и некоторые из наших соседей. Стоящие в ряд деревянные столы тянутся из конца в конец помещения. Знакомые приветствуют нас и Маркуса, сдерживая слезы и пытаюсь улыбаться.

Я вцепляюсь в Тобиаса. Присутствие членов фракции, к которой принадлежал отец, и жизни, оборвавшиеся в одну ночь, – все повисает на мне тяжким грузом.

Один из альтруистов сует мне под нос чашку с дымящейся жидкостью.

– Выпей, – произносит он. – Поможет уснуть без сновидений.

Влага – розовато-красная, как клубника. Я залпом выпиваю все до дна. Первые пару секунд кажется, что меня наполняют силы, но вскоре я полностью расслабляюсь. Кто-то ведет меня по коридору, в комнату с кроватью. Я проваливаюсь в темноту.

Глава 2

Я открываю глаза и в ужасе хватаюсь руками за простыни. Но я в безопасности и не мечусь по улицам или коридорам штаб-квартиры Лихачества. Я лежу в постели, в доме Товарищества. Воздух пропитан запахом опилок.

Я поворачиваюсь и вздрагиваю, ощущая, как что-то впивается мне в спину. Я моментально нащупываю пистолет.

На мгновение я снова вижу перед собой Уилла. Мы целимся друг в друга. Но я *ведь могла выстрелить ему в руку, почему я этого не сделала, почему?*

Я произношу его имя, срываясь на крик.

И все исчезает.

Наконец я встаю, приподнимаю матрас, подпирая его коленом. Сую в тайник пистолет, и теперь, когда оружие не касается моей кожи, в голове сразу становится яснее.

Адреналиновая лихорадка вчерашнего дня закончилась, так же как и успокоительный напиток, и я чувствую сильную стреляющую боль в плече. Я спала в одежде. Из-под подушки торчит краешек жесткого диска. Я вчера туда его сунула. На нем сохранены данные симуляции, которая управляла лихачами, и запись действий эрудитов. Это очень важно, я даже боюсь его трогать, но нельзя оставлять диск в кровати. Я хватаю его и прячу между шкафом и стеной. Какая-то часть меня точно считает, что его надо уничтожить. Но я знаю – это единственное доказательство того, как погибли мои родители.

Кто-то стучится. Я сажусь на край постели, пытаюсь пригладить волосы.

– Войдите, – произношу я.

Дверь открывается. На пороге застывает Тобиас. Он – в своих старых джинсах, но вместо черной футболки нацепил темно-красную. Он, наверное, получил обновку от здешних жителей. Для него это слишком яркий цвет, но, когда парень откидывает голову и прислоняется к проему, я понимаю, что такой оттенок делает темно-синие глаза Тобиаса более светлыми.

– Члены Товарищества собираются через полчаса, – сообщает он, подняв бровь. – *Чтобы решить нашу судьбу*, – драматическим тоном добавляет он.

– Никогда не думала, что моя судьба окажется в руках кучки ребят из Товарищества, – отвечаю я и недоуменно качаю головой.

– Я тоже. О, я тебе кое-что принес, – Тобиас откручивает крышку небольшой бутылочки и протягивает мне стаканчик, наполненный прозрачной жидкостью. – Обезболивающее. Принимай каждые шесть часов.

– Спасибо, – благодарю я, опрокидывая содержимое в рот. На вкус лекарство похоже на подгнивший лимон.

Тобиас засовывает большой палец в шлевку джинсов.

– Как ты, Беатрис?

– Как ты меня назвал?

– Решил попытаться, – улыбается он. – Не стоит?

– Сойдет, но для особых случаев. Инициация, Выбор...

Я умолкаю. Я хотела назвать еще пару праздников, но их отмечают только альтруисты. У лихачей – свой собственный календарь, но я пока даже не в курсе, какой он. В любом случае мысль о том, что мы будем торжественно отмечать какие-то события, кажется мне нелепой.

– Договорились, – соглашается Тобиас, но вдруг становится серьезным. – Как ты, Трис?

В вопросе нет ничего странного, особенно после того, что нам пришлось пережить, но я сильно напрягаюсь, словно Тобиас видит меня насквозь. Я еще не рассказала ему про Уилла. Я хочу, но не знаю как. Сама мысль произнести все это вслух кажется невыносимо тяжелой – будто я сразу сквозь пол провалюсь.

– Я... Никак, Четыре. Я проснулась...

Я начинаю трясти головой. Он проводит рукой по моей щеке, положив свой палец мне за ухо. Потом наклоняется и целует меня. Волна истома окатывает тело. Я обхватываю его руку и держу ее. Он прижимается ко мне, и грудь с животом заполняет тепло.

Сейчас я не должна ничего говорить. Я могу лишь попытаться забыть, а Тобиас мне поможет.

– Понимаю, – шепчет он. – Извини, не стоило спрашивать.

Разве это можно понять, – думаю я. Но нечто в его лице напоминает мне – он знает, что значит потерять родного человека. Он лишился матери, когда был еще мальчиком. Я помню только ее похороны.

Внезапно в голове всплывает, как он, девятилетний, стоял тогда в гостиной, вцепившись руками в занавески. Его темно-синие глаза были закрыты. Образ нечеткий, возможно, мое воображение разыгралось.

Тобиас выпускает меня из объятий.

– Я уйду, а ты приготовься, – говорит он.

Женская душевая находится двумя этажами ниже. Пол выложен темно-коричневой плиткой, стены сделаны из дерева и отгорожены от прохода пластиковыми занавесками. На стене надпись – **ВНИМАНИЕ: В ЦЕЛЯХ ЭКОНОМИИ РЕСУРСОВ ДУШ РАБОТАЕТ ТОЛЬКО ПЯТЬ МИНУТ.**

Вода холодная, так что мне вообще не нужно лишнее время. Я быстро моюсь левой рукой, правая висит вдоль тела. Лекарство, которое принес Тобиас, действует быстро. Боль в плече уже превратилась в тупую пульсацию.

Затем я возвращаюсь в комнату и нахожу на кровати стопку одежды. Желтая и красная принадлежит Товариществу, серая – Альтруизму. Я редко видела эти оттенки вместе. Если бы меня попросили угадать, я бы предположила, что их принесли альтруисты. Они всегда очень заботливые.

Я надеваю темно-красные джинсы, закатываю штанины в три оборота и облачаюсь в серую рубашку, которая тоже изрядно велика. Рукава доходят до кончиков пальцев, их приходится подвернуть. Двигать правой рукой больно, поэтому приходится делать все медленно и постепенно.

Кто-то опять стучится.

– Беатрис?

Тихий голос принадлежит Сьюзан.

Я открываю. Она приносит поднос с едой и ставит на кровать. Я всматриваюсь ей в лицо, ожидая увидеть боль утраты. Ее отец, один из лидеров Альтруизма, погиб во время нападения. Но Сьюзан спокойна, упорна и уверенна. Главное качество фракции, которую я покинула.

– Извини, одежда не по размеру, – произносит она. – Наверняка сможем найти тебе что-то получше, если члены Товарищества позволяют остаться.

– Все нормально, – отвечаю я. – Спасибо.

– Слышала, ты ранена. Тебе не надо помочь причесаться или завязать ботинки?

Я уже готова отказаться, но мне действительно нужна хоть какая-то поддержка.

Я сажусь на табурет перед зеркалом, а она встает у меня за спиной, внимательно разглядывая мои волосы, а не свое отражение в зеркале. Сьюзан расчесывает меня, не поднимая глаз. Она не спрашивает ни о ране, ни о том, что случилось, когда я покинула укрытие в районе альтруистов и отправилась отключать симуляцию. У меня такое чувство, что если Сьюзан вскрыть до самого основания, она будет целиком и полностью состоять из Альтруизма.

– Как Роберт? – спрашиваю я. Роберт, ее брат, выбрал Товарищество в тот день, когда я предпочла лихачей. Он должен быть рядом. Интересно, будет ли их встреча похожа на мою – с Калемом.

– Я видела его мельком, вчера вечером, – отвечает она. – Я оставила его горевать вместе с его фракцией и пошла к своим. Однако здорово увидеть его снова.

Что-то в ее интонации подсказывает – вопрос закрыт.

– Ужасно, что это произошло именно так, – Сьюзан начинает новую тему. – Наши лидеры собирались совершить нечто чудесное.

– Правда? Что?

– Я не знаю, – краснея, произносит она. – Но я чувствовала. Не любопытствовала, но подмечала события.

– Я бы не стала укорять тебя за любознательность.

Она кивает, продолжая орудовать щеткой. Интересно, что лидеры Альтруизма, в том числе мой отец, сотворили? Мне не дает покоя слово «чудесное». Хотелось бы снова поверить в этих людей.

Если я когда-то в них действительно верила.

– Лихачи зачесывают волосы назад? – осведомляется она.

– Иногда, – говорю я. – Умеешь делать косы?

Ее ловкие пальцы начинают сплетать мне косу, которая спускается до середины спины. Я напряженно смотрю в зеркало, до тех пор, пока она не заканчивает свое дело. После я благодарю ее, и Сьюзан уходит, слегка улыбнувшись.

Я продолжаю глядеть в зеркало, но не вижу себя. На шее еще осталось ощущение от пальцев девушки, словно меня причесывала мама в то самое, последнее утро. Мои глаза наполняются слезами, я раскачиваюсь вперед-назад на табурете, пытаюсь выбросить из головы воспоминания. Боюсь, что если позволю себе расплакаться, то буду рыдать до тех пор, пока не стану сухой, как выжатый лимон.

Вижу на шкафу швейный набор. Красные и желтые нитки, ножницы.

Абсолютно спокойно я расплетаю косу и заново расчесываюсь. Делю волосы надвое и подвожу ножницы к подбородку.

Я стараюсь отрезать волосы ровно, равняясь по нижней челюсти. Сложнее всего стричь их сзади, и я действую на ощупь, стараясь изо всех сил. Светлые пряди полукругом ложатся на пол.

Я выхожу из комнаты, не взглянув на себя в зеркало.

Когда Тобиас и Калеб направляются ко мне, они недоуменно глядят, будто и не узнают, кто перед ними.

– Ты подстриглась, – констатирует Калеб. Схватывать на лету факты, несмотря на пережитый шок, – вполне в духе эрудита, каковым он теперь является. Его волосы растрепаны, а глаза красные.

– Ага, – заявляю я. – Слишком... жарко для длинных волос.

– Справедливо.

Мы вместе шагаем по коридору. Доски скрипят под ногами. Мне не хватает эха шагов, как в обители лихачей. Здесь нет прохлады подземелья. И где те страхи, которые поглощали меня последние пару недель и стали такими ничтожными по сравнению с нынешними?

Мы выходим из здания. Воздух начинает давить на легкие, будто меня душат подушкой. Пахнет зеленью, так пахнет лист, когда его разрываешь пополам.

– Все знают, что ты сын Маркуса? – спрашивает Калеб. – Я имею в виду, из альтруистов.

– Понятия не имею, – отвечает Тобиас. – Буду признателен, если ты об этом не станешь упоминать.

– Мне незачем. Видно каждому, у кого есть глаза, – нахмурившись, бормочет Калеб. – Кстати, сколько тебе лет?

– Восемнадцать.

– Ты не думаешь, что староват для моей сестренки?

– Она уже тебе не *сестренка*, – с усмешкой парирует Тобиас.

– Хватит, вы, оба, – отрезаю я. Впереди нас движется толпа людей в желтых одеждах. Они направляются в сторону широкого приземистого здания, построенного целиком из стекла. Солнце отражается от панелей и режет глаза. Я прикрываю их рукой.

Входные двери открыты настежь. По периметру круглой теплицы, в лотках и небольших бассейнах, залитых водой, растут деревья и куча других растений. Десятки вентиляторов, стоящих по периметру, гоняют по кругу горячий воздух, и я сразу начинаю обливаться потом. Но я быстро переключаю внимание, когда толпа рдеет, и могу рассмотреть остальное.

В середине здания стоит огромное дерево. Его ветви простираются почти на всю ширину теплицы. Корни выступают из земли – они закреплены в ней металлическими стержнями и образуют плотную паутину, покрытую корой. Мне не следовало бы удивляться. Члены Товарищества всю жизнь проводят в трудах на земле, используя технологические достижения эрудитов.

На одном пучке из корней возвышается Джоанна Рейес, волосы свисают ей на лицо, прикрывая изуродованную шрамами половину. Из Истории Фракций я знаю, что в Товариществе нет официально установленного лидера. Любые вопросы они решают голосованием, результат получается практически анонимным. Они – словно части одного большого сознания, а Джоанна Рейес лишь озвучивает принятые решения.

Члены Товарищества сидят на полу, скрестив ноги. Эти люди напоминают мне переплетения ветвей гигантского дерева. Альтруисты сгрудились плотной группой в паре метров слева от меня. Я оглядываюсь и только потом понимаю, что ищу среди них своих родителей.

Судорожно сглотнув, я пытаюсь отвлечься. Тобиас касается меня пониже спины, отводит к краю места собраний, позади альтруистов и прижимается ртом к моему уху.

– Мне нравится твоя прическа, – шепчет он.

Мне удастся слегка улыбнуться в ответ, и я откидываюсь, опираясь на него плечом.

Джоанна тем временем поднимает руки и склоняет голову. Разговоры стихают прежде, чем я успеваю сделать очередной вдох. Члены Товарищества сидят молча, некоторые – с закрытыми глазами, другие – беззвучно шевеля одними губами, кто-то смотрит вдаль.

Секунды тянутся невыносимо медленно, я уже вымотана до предела.

– Сегодня перед нами стоит вопрос исключительной важности и срочности, – объявляет она. – Он состоит в следующем. Как нам, людям, стремящимся к миру, вести себя ныне, во времена конфликта?

Члены Товарищества оборачиваются друг к другу и начинают неспешную дискуссию.

– Как они вообще в состоянии что-то решить? – спрашиваю я спустя пять минут их болтовни.

– Им не важна действенность, – отвечает Тобиас. – Их заботит согласие. Смотри.

Две женщины в желтых платьях в метре от нас встают и присоединяются к трем мужчинам. Молодой парень отходит в сторону. Собеседники, собравшиеся вокруг него, присоединяются к другим. По всей площади меньшие группы объединяются, становясь все больше. Голосов все меньше, я слышу только три или четыре. До меня доносятся лишь обрывки фраз.

...Мир... Лихачи... Эрудиты... Безопасное место... Вмешательство...

– Как странно, – произношу я.

– По-моему, замечательно, – отвечает он.

Я непонимающе гляжу на Тобиаса.

– Что? – спрашивает он, усмехаясь. – У каждого из них равное право. Одинаковая мера ответственности. Поэтому они отвечают за свои решения. Ведут себя чутко. Думаю, это прекрасно.

– А я считаю это невыносимым, – возражаю я. – Конечно, в рамках Товарищества такое сработает. Но что делать, если не все хотят брэнчать на банджо и выращивать растения? Если кто-то совершает ужасный поступок, и простые разговоры не помогут?

– Думаю, мы скоро узнаем, – пожимает плечами Тобиас.

Наконец от каждой из групп отделяется по одному человеку. Они подходят к Джоанне, аккуратно пробираясь по корням. Я жду, когда они обратятся ко всем участникам, но они встают в круг вместе с Рейес и начинают тихо переговариваться. У меня возникает ощущение, что я останусь в теплице навечно.

– Они не собираются позволить нам спорить? – говорю я.

– Скорее всего, – кивает Тобиас.

С нами покончено.

Когда каждый заканчивает высказывать свое мнение, то спокойно возвращается на свое место, оставляя в центре одну Джоанну. Она поворачивается в нашу сторону и скрещивает руки на груди. Куда нам идти, когда нас выгонят? Обратно в город, где теперь нет укрытий?

– Сколько мы себя помним, у нашей фракции всегда были близкие отношения с эрудитами. Мы до сих пор нужны друг другу, чтобы выжить, и мы с радостью сотрудничаем, – начинает Джоанна. – Но ранее у нас имелись и крепкие отношения с альтруистами. Мы не считаем, что будет правильно разорвать связь нашей дружбы, длившейся долгое время.

Ее голос сладок, как мед, и столь же тягуч. Она говорит медленно и аккуратно. Я стираю пот со лба тыльной стороной ладони.

– Мы считаем, что единственным способом сохранить наши отношения с обеими фракциями будет невмешательство, – продолжает Рейес. – Но ваше присутствие осложняет данную позицию.

Вот оно, – думаю я.

– И мы пришли к выводу. Мы предоставим наши дома в качестве убежища для членов всех фракций, – провозглашает она. – При соблюдении ряда условий. Во-первых, на нашей территории не разрешается ношение оружия, причем любого. Во-вторых, если возникает серьезный конфликт, словесный или физический, всех участников попросят уйти. В-третьих, нынешняя ситуация не подлежит обсуждению, даже в личном общении, на территории нашего района. В-четвертых, каждый, кто здесь останется, должен внести свой вклад в жизнь общины, выполняя посильную работу. Мы доложим о решении эрудитам, правдолюбам и лихачам.

Она встречается со мной и Тобиасом глазами.

– Мы с радостью примем вас здесь, если вы сможете соблюдать правила, – заключает она. – Таков вердикт.

Я вспоминаю о спрятанном под матрасом пистолете, моих напряженных отношениях с Питером, Тобиасом, Маркусом, и у меня пересыхает во рту. Я не слишком хорошо умею избегать конфликтов.

– Мы тут не задержимся, – еле слышно говорю я Тобиасу.

Мгновение назад он улыбался, но теперь хмурится, и уголки его губ опущены.

– Точно.

Глава 3

Вечером я возвращаюсь к себе в комнату и первым делом проверяю, на месте ли пистолет. Едва мои пальцы касаются спускового крючка, горло сдавливают, словно при аллергической реакции. Резко вынув руку из-под матраса, я встаю на колени у кровати и судорожно дышу пару минут.

Что с тобой? Давай, соберись.

Вот оно, это странное ощущение. Я сплетаю различные части себя в единое целое, будто шнурки завязываю. Часть меня задыхается, но другая чувствует силу.

Краем глаза я улавливаю какое-то движение и смотрю в окно, выходящее в яблоневый сад. Джоанна Рейес и Маркус Итон прохаживаются рядом, останавливаясь у кустов мяты, чтобы сорвать листья. Я выскакиваю из комнаты прежде, чем осознаю, зачем захотела следить за ними.

Бегом пробегаю через все здание, чтобы ничего не упустить. Как только я выскакиваю наружу, начинаю двигаться осторожнее. Обхожу теплицу с противоположной стороны – Джоанна и Маркус как раз скрываются за рядом деревьев. Я крадусь на полусогнутых ногах вдоль соседней рошцы, надеясь, что ветви спрячут меня от посторонних глаз.

– ...очень удивилась времени нанесения удара, – говорит Джоанна. – Джанин просто завершила подготовку и стала действовать или какой-нибудь инцидент заставил ее спешить?

Я вижу лицо Маркуса, поверх раздвоенного ствола яблони.

– Хм, – только и произносит он, поджимая губы.

– Полагаю, мы никогда не разгадаем это, – произносит Джоанна, поднимая бровь, не рассеченную шрамом. – Так ведь?

– Возможно.

Джоанна кладет руку ему на плечо и разворачивается к нему всем корпусом. Я каменею, боясь, что она меня заметит, но Рейес глядит только на Маркуса. Я сажусь на корточки и подбираюсь поближе к одному из самых крупных деревьев.

– Но *ты знаешь*, – говорит она. – Ты в курсе, почему она напала. Я, конечно, уже давно не правдолюб, но чувствую, когда от меня скрывают правду.

– Любопытство эгоистично, Джоанна.

Будь я на ее месте, я бы закатила Маркусу пощечину за такое замечание.

– Моя фракция полагается на меня в плане советов, и если тебе известна столь важная информация, необходимо поделиться со мной и с другими, – доброжелательно продолжает она. – Думаю, ты это прекрасно понимаешь, Маркус.

– Здесь действительно кое-что есть. Давным-давно фракции Альтруизма доверили очень деликатную информацию, – решается Маркус. – Джанин атаковала нас и выкрала ее. Если я не позабочусь, она уничтожит эти данные. Больше я не могу сказать тебе ни слова.

– Но ведь точно...

– Нет, – перебивает Маркус. – Информация гораздо важнее, чем ты можешь себе представить. Большинство лидеров города рискнули своими жизнями, чтобы уберечь ее от Джанин, и я не буду идти на поводу у твоего любопытства.

Джоанна молчит несколько секунд. Стемнело, и я едва вижу собственные руки. Воздух наполнен запахом земли и переспелых яблок, я стараюсь почти не дышать.

– Когда я последний раз доверил эти сведения представителю фракции, всех моих друзей убили, – повторяет Маркус. – Теперь я никому не верю.

Я не могу удержаться и выглядываю из-за дерева. Они слишком заняты разговором и не замечают меня. Оба стоят рядом, не касаясь друг друга. Еще никогда я не видела Маркуса

таким уставшим, а Джоанну – настолько недовольной. Но затем ее лицо делается мягче, и она снова ласково касается руки Маркуса.

– Чтобы обрести мир, мы должны обрести доверие, – кивает она. – Я надеюсь, ты пере-
думаешь. Помни, Маркус, я всегда была твоим другом, даже когда с тобой практически никто
не разговаривал.

Она наклоняется, целует его в щеку и молча направляется в глубь сада. Шокированный,
Маркус застывает на месте, затем он идет в другую сторону, к домам.

Откровения последнего получаса бурлят в моей голове. Я думала, Джанин напала на
альтруистов, чтобы захватить власть, но, оказывается, все наоборот. Ей требовалась секретная
информация.

И вдруг чехарда в сознании прекращается. Я вспоминаю слова Маркуса. *Большинство
лидеров города рискнули своими жизнями.* Был ли среди них мой отец?

Я должна выяснить, что было настолько важным для альтруистов, если они могли пожерт-
вовать жизнью ради этого, а эрудиты – убить.

Я не стучусь в дверь комнаты Тобиаса, а сначала просто прислушиваюсь.

– Нет, *не так*, – смеется Тобиас.

– В каком смысле? Я идеально подражал тебе.

Второй голос принадлежит Калебу.

– Не получилось.

– Давай повторим.

Я толкаю дверь в тот момент, когда Тобиас, усевшийся прямо на полу, кидает в проти-
воположную стену небольшой нож для масла. Он втыкается по самую рукоятку в кусок сыра,
который они водрузили на шкаф. Кaleb изумленно глядит сначала на мишень, а потом на меня.

– Еще скажи, он избранный среди лихачей, – фыркает Кaleb. – Ты тоже так можешь?

Он выглядит лучше, чем вчера. Глаза не красные, в них появились привычные искорки
любопытства. Мир снова занимает его. Каштановые волосы спутаны, а пуговицы на рубашке
вдеты не в свои петли. Но в такой неряшливости – очарование Калеба. Складывается впечат-
ление, что большую часть времени он вообще не задумывается о своем внешнем виде.

– Правой рукой, – подтверждаю я. – Хотя, ты прав. *Четыре* наверняка избранный среди
лихачей. Можно спросить, *зачем* вы нож в сыр кидаете?

Тобиас впивается в меня взглядом на слове «Четыре». Кaleb не знает, что прозвище –
главный показатель превосходства этого парня над остальными.

– Кaleb пришел кое-что обсудить, – заявляет Тобиас, откидываясь к стене, но продолжая
смотреть на меня. – А кидать нож само собой получилось.

– Как обычно, – улыбаюсь я.

Тобиас выглядит расслабленным, с запрокинутой головой, и рукой, лежащей на колене.
Мы не отводим глаз друг от друга. Кaleb прокашливается.

– Ну, в общем, мне пора, – бормочет он. – Я, между прочим, читаю книгу про систему
очистки воды. Парень, который мне ее дал, решил, что я чокнутый. Это обычное руководство
по ремонту, но читается захлеб.

Он умолкает.

– Извините. Думаю, вы меня тоже чокнутым считаете, – добавляет он.

– Вообще нет, – изображая искреннее удивление, отвечает Тобиас. – Трис, тебе стоит после-
довать его примеру. Тебе точно понравится.

– Могу дать, – радуется Кaleb.

– В другой раз, – говорю я. Когда он выходит из комнаты, я выразительно гляжу на Тоби-
аса.

– Спасибо тебе большое, – произношу я. – Теперь он мне все уши прожужжит о фильтрации воды. Но, к счастью, у него бывают темы и похуже.

– О! А какие? – спрашивает Тобиас. – Гидропоника?

– Гидро– что?

– Один из способов, как они тут растения выращивают. Вряд ли тебя заинтересует.

– Ты прав, – соглашаюсь я. – Так зачем он к тебе зашел?

– Он хотел поговорить о тебе, – поясняет Тобиас. – Я полагал, он будет играть роль заботливого старшего брата, и не ошибся. «Не путайся с моей сестрой» и все такое.

Он встает.

– И что дальше?

Тобиас подходит ко мне.

– Я сказал, как мы познакомились. Вот и зашла речь о метании ножей, – отвечает он. – И я ему сообщил, что вовсе не путаюсь.

Он обнимает меня за бедра и слегка прижимает к двери. Меня охватывает теплая волна. Его губы находят мои.

Я забываю, зачем я сюда пришла.

И мне наплевать.

Я обхватываю его здоровой рукой и прижимаю к себе. Пальцами нащупываю край его футболки, запускаю их под ткань и кладу руку на ягодицы. Какой он сильный.

Он снова целует меня, уже настойчивее, и стискивает мою талию. Наши тела и дыхание сливаются в нечто нераздельное.

Внезапно он резко отодвигается на пару сантиметров. Но дальше я его не отпущу.

– Ты здесь не для этого, – говорит Тобиас.

– Да.

– А для чего?

– Какая разница?

Я запускаю пальцы ему в волосы и вижу его губы совсем рядом. Тобиас не сопротивляется.

– Трис, – невнятно говорит он спустя пару секунд.

– Ладно.

Я закрываю глаза. Действительно, у меня есть важный повод.

Мы садимся рядом на кровать, и я начинаю рассказывать. О том, как следила за Маркусом и Джоанной в саду. Как Рейес спросила о времени, выбранном для атаки с помощью симуляции. Об их последующем споре. Тобиас не кажется удивленным. Он лишь с отвращением кривит губы всякий раз, как слышит имя Маркуса.

– Ну, как? – спрашиваю я, закончив рассказ.

– Считаю, – задумчиво начинает он, – Маркус, как всегда, пытается набить себе цену.

Такого ответа я не ожидала.

– И...? Значит, он чушь порет?

– Вероятно, у альтруистов действительно была информация, которую желала узнать Джоанна, но он преувеличивает ее важность. Он хочет завести Джоанну в ловушку, заставить ее поверить, что владеет чем-то очень ценным.

– Может... – произношу я хмуро, – ты не прав. Непохоже, чтобы он врал.

– Ты не знаешь его настолько хорошо, как я. Он – превосходный лжец.

Отлично. Но интуиция говорит другое – Маркус не вилял и не мошенничал.

– Хорошо, – отвечаю я. – Но не следует ли нам выяснить, что происходит?

– Сейчас важно разобраться с текущими делами, – возражает Тобиас. – Вернуться в город. Найти способ победить эрудитов. А потом мы выясним, о чем говорил Маркус. Договорились?

Я киваю. Разумный план. Но я сомневаюсь. Разве надо просто идти вперед и отбросить правду? Когда я узнала, что я дивергент... а эрудиты нападут на альтруистов... все изменилось. Иногда истина рушит намерения человека.

Но трудно уговорить Тобиаса делать то, чего он не хочет. Еще сложнее обосновать мои предчувствия.

Поэтому я молчу. Но остаюсь при своем мнении.

Глава 4

– Биотехнологии существуют уже давно, но они до сих пор не особенно эффективны, – увлеченно восклицает Калев. Он ест корочку хлеба. Сначала он расправил с мякишем, он привык так делать с раннего детства.

Мы сидим в кафетерии, расположившись у окна за крайним столом. По его краю идет резьба в форме букв «Д» и «Т», соединенных сердечком, таких маленьких, что я едва могу их разглядеть. Слушая Калеба, я вожу пальцами по резьбе.

– Но ученые Эрудиции некоторое время назад придумали исключительно эффективный раствор минеральных веществ. Для растений он лучше, чем почва, – поясняет брат. – И он – предшественник мази, которую тебе дали для лечения плеча. Ускоряет рост новых клеток.

Его глаза горят энтузиазмом от только что полученной информации. Не все эрудиты одержимы жадой власти и лишены соображения, в отличие от их лидера, Джанин Мэтьюз. Некоторые, как Калев, жадны до всего нового. Они не успокоятся, пока досконально не узнают, как устроена Вселенная.

Опершись подбородком на руку, я улыбаюсь брату. Утром он выглядел совершенно разбитым, и я рада, что он отвлекся от горестных мыслей.

– Значит, Эрудиция и Товарищество работают рука об руку? – подытоживаю я.

– В общем, да, – отвечает он. – Разве ты не помнишь глав из нашей книги по истории? Этих людей еще называют «ключевыми». Без них мы бы не выжили. Иногда их именуют «фракциями процветания». Они имеют четкую цель – соединить в себе и то, и другое.

Мне услышанное не слишком нравится. Действительно, наше общество зависимо от эрудитов. Они и вправду играют главную роль. Без них не было бы ни развитого сельского хозяйства, ни медицины, ни технического прогресса.

Я начинаю грызть яблоко.

– Ты не будешь свой тост? – спрашивает Калев.

– У хлеба вкус странный, – говорю я. – Хочешь, съешь.

– Я поражен их уровнем жизни, – продолжает он, забирая тост с моей тарелки. – Полное самообеспечение. Они владеют источником энергии, водой, имеют уникальную систему фильтрации, производят пищу... Они независимы.

– Да, – соглашаюсь я. – И непричастны. Должно быть, здорово.

Это и в самом деле неплохо. Огромное окно кафетерия впускает внутрь потоки солнечного света. Мне кажется, что я сижу на улице. Члены Товарищества группами разместились за соседними столами, их яркая одежда красиво выделяется на фоне загорелой кожи. На мне желтый цвет выглядит тусклым.

– Товарищество – не из тех фракций, которые тебя привлекали, – ухмыляется Калев.

– Допустим.

Несколько посетителей через пару стульев от нас вдруг начинают хохотать. Они даже не посмотрели в нашу сторону с тех пор, как мы взяли еду.

– Давай потише. Я не желаю кричать об этом на каждом углу.

– Извини, – шепчет он и наклоняется поближе. – А какие у тебя были склонности?

Я инстинктивно выпрямляюсь и напрягаюсь.

– А зачем ты выпрашиваешь?

– Трис, я твой брат. Ты можешь доверять мне.

Зеленые глаза Калеба совершенно спокойны и непроницаемы. Он отказался от ненужных очков, которые носил у эрудитов, надел серую рубашку Альтруизма и коротко постригся. Так он выглядел всего два месяца назад, когда мы жили через коридор друг от друга. Тогда мы

собирались перейти в другую фракцию, но не не осмелились даже поговорить откровенно. Теперь я не хочу повторять старую ошибку.

– Альтруизм, Лихачество и Эрудиция, – выпаливаю я.

– *Три фракции?* – подняв брови, переспрашивает он.

– Да.

– Многовато, – хмурится он. – В рамках инициации в Эрудиции мы выбирали область исследований, и я занялся симуляциями в тесте на склонность. Поэтому кое в чем разбираюсь. Человеку реально трудно получить два результата. На самом деле программа такого не позволяет. А получить целых *три*... просто невозможно.

– Ведущей пришлось вмешаться в задания, – говорю я. – Она переключила тест на ситуацию в автобусе, чтобы исключить Эрудицию. Но только у нее не получилось убрать эту фракцию.

– Значит, вмешательство, – тянет он. – Интересно... как ведущему удалось взломать шифр. Такому не учат.

Я задумываюсь. Тори – мастер татуировок и доброволец на тестировании. *Откуда* она знала, как залезть в программу? Она разбиралась в компьютерах, но на уровне хобби. Конечно, вряд ли бы ей позволили копаться в симуляции.

И тут в голове всплывает один из моих с ней разговоров. *Я и мой брат перешли из Эрудиции.*

– Она из бывших, – удивляюсь я. – Сменила фракцию.

– Вероятно, – кивает он, барабанив пальцами по столу. Наши завтраки остывают, но нам все равно. – Что это означает с точки зрения твоей биохимии мозга? Или анатомии?

Я усмехаюсь.

– Без понятия. Но я всегда нахожусь в сознании во время симуляций. Иногда могу силой воли выйти из них. Иногда они даже не срабатывают. Как та, сделанная для атаки.

– А как ты выходишь в реальность?

– Ну...

Я пытаюсь вспомнить, хотя прошло не больше пары недель.

– Сложно сказать. Симуляции лихачей заканчиваются автоматически, если тебе удастся успокоиться. Но вот одна из них... тогда Тобиас понял, кто я такая... я сделала нечто невероятное. Разбила стекло, просто приложив к нему руку.

Кaleb становится отстраненным, будто мысленно перенесся куда-то очень далеко. На симуляциях с ним ничего подобного не случалось. Сейчас он пытается понять мои слова. Я чувствую, что краснею. Брат анализирует мой мозг так, как анализировал бы работу компьютера или другого «железа».

– Эй, вернись.

– Прости, – бормочет он, снова обретая нормальный вид. – Я просто...

– Восхищен. Ага, понимаю. Когда тебя что-нибудь восхищало, ты всегда выглядел как зомби.

Он смеется.

– Может, сменим тему? – прошу я. – Рядом нет ни эрудитов, ни изменников-лихачей, но мне неловко обсуждать все это на людях.

– Договорились.

Но прежде чем Кaleb успевает начать рассказ об очередной системе фильтрации, двери распахиваются, и в кафетерий входит группа альтруистов. Они облачены в одежды Товарищества, и мне сразу ясно, к какой фракции они принадлежат. Молчаливые, но не мрачные, они улыбаются членам Товарищества, некоторым кивают, а с парой человек перекидываются вежливыми фразами.

Сьюзан, улыбнувшись, садится рядом с Калебом. Волосы девушки убранные в узел и сияют золотом. По-моему, оба придвигаются друг к другу ближе, чем это сделали бы просто друзья, но не соприкасаются. Наконец, она кивает, приветствуя меня.

– Извините, я вас не перебила? – говорит она.

– Нет, – отвечает Калеб. – Как ты?

– Отлично, а ты?

Теперь я готова опрометью выскочить из кафетерия, только бы не участвовать в вежливой и деликатной беседе в стиле Альтруизма, но вдруг вижу Тобиаса. Он выглядит измученным. Видимо, с утра ему пришлось работать на кухне, в рамках нашего соглашения с Товариществом. Мне завтра предстоит провести время в прачечной.

– Что случилось? – спрашиваю я, когда он усаживается рядом со мной.

– В своем стремлении избежать любых конфликтов все позабыли, что вмешательство не в свое дело создает *еще большую* проблему. – Если мы еще немного здесь проживем, я кому-нибудь так набью морду – мало не покажется.

Калеб и Сьюзан удивленно поднимают брови. Несколько человек из Товарищества за соседним столом смолкают и пристально оглядывают нас с ног до головы.

– Вы меня слышали, – громко произносит Тобиас, и они сразу отворачиваются.

– Ты в порядке? – осведомляюсь я, прикрывая рот рукой, чтобы скрыть улыбку.

– Потом расскажу.

Видимо, без Маркуса не обошлось. Тобиаса не устраивают непонимание альтруистов, когда он прямо высказывается о жестокости Маркуса. А сейчас в нашей компании находится Сьюзан – и не только она одна. Небольшая группа альтруистов занимает свободные места за столом, приветливо нам кивая. Это бывшие друзья, соседи и коллеги моей семьи. Раньше их присутствие заставило бы меня вести себя тихо и незаметно. Но я начинаю говорить громче, стараясь отрешиться от своего прежнего «Я» и от горечи, связанной с прошлым.

Тобиас цепенеет, когда на мое правое плечо ложится чужая рука, и я стискиваю зубы, чтобы не застонать от боли.

– Ей сюда пуля попала, – произносит Тобиас, даже не глядя на подошедшего.

– Прошу прощения, – и Маркус присаживается слева от меня. – Привет.

– Что тебе нужно? – выдавливаю я.

– Беатрис, незачем... – тихо начинает Сьюзан.

– Сьюзан, пожалуйста, – шепчет Калеб. Она поджимает губы и отворачивается.

Я мрачно таращусь на Маркуса.

– Я задала вопрос.

– Хотел кое-что с тобой обсудить, – спокойно продолжает он, но я знаю, как он злится. Маркуса выдает напряжение в голосе. – Мы с другими альтруистами считаем, что нам не следует более оставаться здесь. В силу неизбежности продолжения конфликта было бы эгоистично скрываться, пока остатки нашей фракции буквально заперты по другую сторону ограды. Мы бы хотели попросить тебя сопровождать нас.

Я теряю дар речи. Зачем Маркус хочет вернуться в город? Это – общее решение или он намерен сделать нечто, связанное с той секретной информацией?

Я пару секунд гляжу на него, а затем перевожу взгляд на Тобиаса. Он позволил себе лишь немного расслабиться. Я не понимаю, почему он так себя ведет в присутствии отца. Никто, даже Джанин, не способен заставить Тобиаса струсить.

– Что думаешь? – спрашиваю я его.

– Нам надо уходить послезавтра, – отрезает Тобиас.

– О'кей. Спасибо, – изрекает Маркус и оставляет нас в покое.

Я подвигаюсь поближе к Тобиасу, не зная, как его утешить и ничего не испортить. Беру одной рукой яблоко, а другой – под столом – сжимаю его пальцы.

Но не могу оторвать взгляд от Маркуса. О чем еще он говорил с Джоанной? Иногда, чтобы узнать истину, приходится требовать ее.

Глава 5

После завтрака я сообщаю Тобиасу, что хочу прогуляться, но начинаю следить за Маркусом. Я предполагала, что он направится в гостевую спальню, но Маркус пересекает поле позади кафетерия и шагает к зданию станции по очистке воды. Прокравшись за ним до порога, я резко останавливаюсь. Действительно ли я этого хочу? Но меня не остановить, и я поднимаюсь за ним по лестнице.

Сама станция занимает только одну комнату, в которой стоит несколько огромных аппаратов. Насколько мне известно, они забирают грязную воду со всего района. Одни аппараты очищают, другие проверяют, третьи перекачивают обратно в систему водоснабжения. Все трубопроводы скрыты, кроме одного, расположенного над землей. Он подает воду на электростанцию, находящуюся у самой ограды. Она-то и обеспечивает энергией весь город, используя ветряные и водяные генераторы, а также солнечные батареи.

Маркус стоит рядом с аппаратами фильтрации. Здесь трубы сделаны прозрачными. Поток серо-коричневой жидкости струится через них и постепенно становится бесцветным. Мы оба наблюдаем за процессом. Интересно, о чем думает Маркус? А если бы можно было так сделать и с людьми – очистить их от грязи, а затем снова вернуть в мир? Но иногда не отмоешься.

Я смотрю на затылок Маркуса. Я должна сделать это *сейчас*.

– Я подслушала вас вчера, – быстро произношу я.

– Что, Беатрис? – переспрашивает он, мгновенно оборачиваясь.

– Шла следом за тобой, – отвечаю я, складывая руки на груди. – Я в курсе того, о чем ты спорил с Джоанной.

– Лихачи научили тебя, что в порядке вещей нарушать личную неприкосновенность других или ты сама настолько любознательна?

– Я любопытна от природы. И жду ответа.

Лоб Маркуса покрывается морщинами между бровей, образуются глубокие складки у рта. Наверняка он всю жизнь хмурится. Хотя, может, и был посимпатичнее в молодости. Вероятно, он даже до сих пор нравится женщинам его возраста, например Джоанне. Но сейчас передо мной лишь бездонная чернота его глаз, как в пейзаже страха у Тобиаса.

– В таком случае ты знаешь, о чем я умолчал. И почему ты считаешь, что я стану делиться информацией с *тобой*?

– Из-за моего отца, – отвечаю я спустя минуту. – Он мертв.

Я впервые говорю другому человеку о том, что моих родителей нет в живых. Они погибли, спасая меня. Единственный, кто об этом знает, – Тобиас. Тогда для меня это был просто факт, лишенный эмоций. Но слово «мертв», смешиваясь с булькающими и клокочущими звуками здесь ударяет мне в грудь, как молотом. Горе, словно злобное чудовище, просыпается и вцепляется когтями мне прямо в сердце.

Но я продолжаю:

– Возможно, его гибель не связана непосредственно с теми секретными сведениями. Но скажи мне правду – стоило ли ему рисковать своей жизнью ради какой-то информации.

Рот Маркуса судорожно дергается.

– Да, стоило, – отвечает он.

Мои глаза наполняются слезами.

– И что же это, ради всего святого? – задыхаясь, кричу я. – Ты хотел что-то защитить? Или украсть?

– Это... – Маркус замолкает. – Я не стану докладывать тебе.

Я делаю к нему шаг.

– Но ты хочешь вернуть это. А теперь все в руках Джанин.

Маркус *действительно* отличный лжец. По крайней мере он из тех людей, которые умеют скрывать тайны. Он никак не реагирует на мои слова. Хотелось бы мне чувствовать так, как могут Джоанна или правдолюбы. Понять, что у него внутри. Похоже, он почти готов открыть мне правду. А если как следует надавить, вдруг он сломается?

– Я могу тебе помочь, – решаюсь я.

– Ты понятия не имеешь, насколько ты смехотворна, – презрительно заявляет он. – Тебе удалось остановить симуляцию, созданную для атаки, девочка, но тут дело в обычной удаче, а не в умении. Я умру от шока, когда тебе удастся сделать хоть что-то полезное.

Теперь передо мной Маркус, с которым хорошо знаком Тобиас. Человек, умеющий нанести удар в самое больное место.

Меня начинает трясти от злобы.

– Тобиас прав насчет тебя, – парирую я. – Ты – ничтожество, самодовольный и лживый ушат помоев.

– Он так и сказал? – приподняв брови, фыркает Маркус.

– Нет, – сквозь зубы отвечаю я. – Он не слишком много о тебе говорил, чтобы выдать такую развернутую характеристику. Я сама все поняла. Ты для него – почти никто. Со временем ты вовсе исчезнешь из его жизни.

Маркус не отвечает. Он отворачивается к аппаратам. Я наслаждаюсь триумфом. Звук текущей воды шумит у меня в ушах, в голове стучит пульс. И я выхожу наружу. Только пройдя поле до половины, понимаю, что победил Маркус.

Какова бы ни была истина, мне придется искать ее самой.

Ночью мне снится, что я сталкиваюсь в поле со стаей ворон, сидящих на земле. Когда я прихлопываю несколько, то вижу, как остальные слетаются к трупам мужчины и рвут его серую одежду. Цвет альтруистов. Внезапно все птицы взлетают, я понимаю, что это Уилл, и просыпаюсь.

Я утыкаюсь лицом в подушку. Не выкрикиваю его имя, а сотрясаюсь от рыданий. Чудовище печали снова шевелится в пустоте, там, где должно быть мое сердце и внутренности.

Я судорожно вздыхаю и прижимаю ладони к груди. Чудовище хватается меня когтями за горло. Изгибаясь, я прячу голову между колен и пытаюсь справиться с приступом удушья.

Воздух теплый, но меня знобит. Я слезаю с кровати и потихоньку крадусь по коридору к комнате Тобиаса. Когда я открываю дверь, она скрипит и будит его. Секунду он таращится на меня.

– Иди сюда, – невнятно, спросонья бормочет он и двигается в сторону.

Надо было продумать заранее. Я легла спать в длинной футболке, одной из тех, что дали в Товариществе. Она едва прикрывает задницу, а надеть шорты я забыла. Тобиас глядит на мои голые ноги, я краснею и ложусь на кровать, лицом к нему.

– Дурной сон? – спрашивает он.

Я киваю.

– Что случилось?

Я не могу рассказать ему, что меня мучают кошмары об Уилле. Что он обо мне подумает, когда узнает? Как будет смотреть на меня?

Тобиас кладет ладонь на мою щеку и слегка поглаживает ее большим пальцем.

– У нас – все по-другому, – говорит он. – У меня и тебя. Ладно?

Я киваю, но в груди болит.

– Остальное плохо, но между нами – все хорошо, – шепчет он, и его дыхание щекочет меня.

– Тобиас, – произношу я и касаюсь губами его рта. Целуюсь с ним, я забываю обо всем.

Он отвечает на мой поцелуй, теперь его рука скользит по изгибу моей талии и доходит до бедра. Я вздрагиваю. Прижимаюсь к нему еще плотнее и обхватываю его ногой. В голове толпятся нервные мысли, но мое тело, похоже, четко знает, что делать. Оно действует с ним в одном ритме, и мое сердце желает лишь одного. Я хочу сбежать от себя и слиться с ним.

Его губы движутся вместе с моими, руки приподнимают нижний край футболки, и я не останавливаю его, хотя и следовало бы. Еле слышно вздыхаю, кровь приливает к лицу. Он не слышит или не обращает внимания и надавливает на мои ягодички, прижимая меня к себе еще крепче. Его пальцы движутся вдоль моего позвоночника. Футболка приподнимается, но я не опускаю ее, хотя и чувствую животом прохладный воздух.

Он целует мою щеку, и я хватаю его за плечо, цепляясь за его одежду. Наконец обнимает меня за шею. Наши поцелуи становятся все жарче. Я чувствую, как дрожу от распирающей меня энергии, и обхватываю его так сильно, как только могу.

Его пальцы задевают повязку на моем правом плече. Меня пронзает укол боли. Не слишком сильный, он возвращает меня к реальности. Я не могу отдаться ему *вот так*, если просто хочу избавиться от печали.

Я немного отодвигаюсь и аккуратно опускаю футболку вниз. Мгновение мы просто лежим рядом, тяжело дыша. Я не хочу плакать, сейчас не время, но не могу сдержаться. Слезы градом катятся из глаз.

– Прости, – всхлипываю я.

– Не извиняйся, – отвечает он почти жестко. И начинает стирать слезы с моих щек.

Я знаю, что худенькая, как птица, маленькая и костлявая, словно предназначенная для полета, а не для земли. Но когда он касается меня, словно не может отвести руку от моего тела, я перестаю хотеть быть иной.

– Я и не думала расклеиваться, – говорю я дрожащим голосом.

– Плохо, – произносит Тобиас. – Не важно, что теперь твои родители в лучшем мире. Они не с тобой, и это *неправильно*, Трис. Так не должно было случиться с тобой. Любой, кто скажет тебе иное, – лжец.

Рыдания снова начинают сотрясать мое тело, и он ласково обнимает меня. Плач превращается в нечто уродливое. Я открываю рот, лицо перекашивается, а из горла вырываются стоны, как у умирающего животного. Если так пойдет и дальше, я рассыплюсь на куски. Может, и к лучшему. Не буду ничего чувствовать.

Он долго молчит, пока я не затихаю.

– Поспи, – шепчет он. – А я отгоню кошмары.

– Чем?

– Очевидно, голыми руками.

Я обхватываю его за талию и глубоко вздыхаю, уткнувшись ему в плечо. Тобиас пахнет потом, свежим воздухом и мятой – из-за мази, которой он периодически пользуется, чтобы расслабить натруженные мышцы. Запах безопасности. Как залитая солнцем дорожка в саду или завтрак в столовой. За считанные секунды до того, как заснуть, я забываю о нашем городе, разорванном войной, и о противостоянии, которое может все погубить.

И я слышу голос Тобиаса.

– Я люблю тебя, Трис, – шепчет он.

Я хотела ответить ему, но меня уже унесло очень далеко.

Глава 6

Утром я просыпаюсь от жужжания электробритвы. Тобиас стоит перед зеркалом, наклонив голову набок, чтобы видеть край нижней челюсти.

Я сажусь и, обхватив руками колени под одеялом, смотрю на него.

– Доброе утро, – здоровается он. – Как спала?

– Хорошо, – отвечаю я, вставая. Он откидывает голову назад, чтобы побрить щетину под подбородком. Я подхожу к нему и обнимаю, прижимаясь лбом к спине, там, где под футболкой проступает татуировка с эмблемой лихачей.

Тобиас откладывает бритву и накрывает мои ладони своими. Мы молчим. Я слушаю его дыхание, а он слегка поглаживает меня.

– Надо идти и приготовиться, – я нарушаю молчание через некоторое время. Уходить не хочется, но сегодня я должна работать в прачечной, и не хочется, чтобы члены Товарищества были недовольны.

– Сейчас найду, во что тебе одеться, – улыбается Тобиас.

Спустя пару минут я иду по коридору босиком, в футболке, в которой я спала, и шортах, которые дали Тобиасу. Когда я добираюсь до своей комнаты, то вижу у кровати Питера.

Я инстинктивно выпрямляюсь и оглядываюсь в поисках чего-нибудь подходящего для броска.

– Оставь меня, – произношу я как можно спокойнее. Но с трудом могу сдержать дрожь в голосе. Я непроизвольно вспоминаю его взгляд, когда он держал меня за горло над расщелиной, или другой случай – тогда Питер ударил меня о стену в штаб-квартире Лихачества.

Он оборачивается. Последнее время он выглядит не слишком злобным, а просто усталым. Питер сутулится, раненая рука висит на перевязи. Но меня не обманешь.

– Что ты делаешь здесь?

– А что ты делаешь, подглядывая за Маркусом? Я видел это вчера, после завтрака.

– Не твоё дело. Уходи, – отвечаю я бесстрашно.

– Между прочим, я здесь потому, что пока не знаю, как тебе удалось найти жесткий диск, – усмехается он. – И вот зашел тебя проведать. Последние дни ты вела себя не слишком уравновешенно.

– Я? Забавно слышать такое от тебя, – говорю я, прищуриваясь.

Питер сжимает губы и замолкает.

– А какое тебе дело до диска? – я иду в наступление.

– Я не дурак. Полагаю, что там не только информация о симуляции.

– Ты не глупец, верно? – продолжаю я. – Думаешь, если отнесешь его эрудитам, они простят твою непоследовательность и примут с распростертыми объятиями?

– Сдались мне они, – заявляет он, также делая шаг вперед. – Разве ты забыла, как я помогал тебе у лихачей.

Я выставляю ему в грудь указательный палец.

– Ты помог мне, поскольку не хотел, чтобы я еще раз выстрелила в тебя.

– Пусть я и не предатель, восплаивший любовью к альтруистам, но никто не сможет контролировать меня, а эрудиты – в особенности, – шипит он, хватая меня за кисть.

Я выдергиваю руку, резко повернув запястье, чтобы сорвать захват.

– Я и не ожидала, что ты поймешь, – отвечаю я, вытирая мокрые от пота ладони о край футболки и сдвигаясь к шкафу. – Уверена, если бы напали на правдолюбов, а не альтруистов, ты бы спокойно позволил расстрелять твою семью. Но я не такая.

– Следи за языком, Сухарь, когда говоришь о моих родных, – цедит Питер, смещаясь к шкафу следом за мной, но я перехожу в противоположную сторону и отгораживаю его от тайника. Я не собираюсь наемкаться, где спрятан диск, ни единым жестом.

Его взгляд скользит то влево, то вправо. Я хмуро слежу за Питером и замечаю какой-то прямоугольный предмет в одном из его карманов.

– Отдавай, – говорю я. – Сейчас же.

– Нет.

– Отдавай или, не обессудь, убью тебя на месте.

Он ухмыляется.

– Если бы ты только видела со стороны, как ты смешна, когда угрожаешь другим. Будто маленькая девочка грозит мне, что задушит меня прыгалками.

Ядвигаюсь в его сторону, и он отшатывается к двери.

– Не смей называть меня «маленькой девочкой».

– Буду, если захочу.

Я бросаюсь в атаку, стараясь ударить левым кулаком туда, где причиню самую сильную боль. В пулевую рану в руке. Он уворачивается, но вместо того, чтобы попытаться ударить еще раз, я хватаю его за раненую руку и выкручиваю ее в сторону изо всех сил. Питер орет, как безумный, а я с размаху бью его ногой в колено. Он падает.

В коридор выбегают люди в серо-черных и желто-красных одеяниях. Питер бросается на меня и ударяет в живот. Я сгибаюсь от боли, но не останавливаюсь. Я издаю нечто среднее между криком и визгом и бросаюсь навстречу, подняв левый локоть к подбородку, чтобы ударить противника в лицо.

Один из людей Товарищества хватает меня, приподнимает и оттаскивает от Питера. Ноет рана в плече, но из-за прилива адреналина я едва чувствую это. Рвусь к Питеру, стараясь не смотреть на ошеломленные лица людей из Товарищества и Альтруизма вокруг меня. Среди них вижу Тобиаса. Незнакомая женщина садится на корточки рядом с Питером и начинает что-то говорить ему успокаивающим голосом. Я стараюсь не обращать внимания на его стоны и свой спазм в животе, начавшийся от ощущения вины. Я ненавижу Питера. Мне плевать.

– Трис, успокойся, – говорит Тобиас.

– У него жесткий диск! – кричу я. – Он украл его у меня!

Тобиас подходит к Питеру и молча ставит ногу ему на грудь. Потом достает из кармана диск.

– Мы не всегда будем в таком безопасном месте, а ты поступил не слишком умно, – шепчет он Питеру. – И ты тоже не слишком разумна, – добавляет он, обращаясь ко мне. – Ты хочешь, чтобы нас выгнали прямо сейчас?

Я морщусь. Мужчина из Товарищества пытается тащить меня по коридору. Я пытаюсь вывернуться.

– Что вы делаете? Отпустите меня!

– Ты нарушила условия мирного соглашения, – мягко говорит он. – Мы должны следовать правилам.

– Давай, – говорит Тобиас. – Тебе надо успокоиться.

Я оглядываю собравшихся. Никто не спорит с Тобиасом. Все глядят лишь на меня. Я позволяю двум людям из Товарищества увести меня.

– Смотри под ноги, – приказывает один. – Тут доски шатаются.

У меня стучит пульс в голове. Значит, я начала успокаиваться. Седой мужчина из Товарищества открывает дверь с табличкой «Конфликтная комната» слева по коридору.

– Хотите изолировать меня? – скривившись, спрашиваю я. Так и должны, по идее, поступать в Товариществе. Отгородить ото всех, а затем начать учить управлению дыханием для позитивного мышления.

Комната ярко освещена, и мне приходится щуриться. На противоположной стене – большие окна, выходящие в сад. Несмотря на это, она выглядит небольшой, возможно, из-за того, что потолок и стены обшиты досками.

– Сядь, пожалуйста, – говорит старший, показывая на табурет посреди комнаты. Он, как и другая мебель в домах Товарищества, сделан из неполированного дерева, и выглядит грубо, будто еще не потерял связь с землей. Я продолжаю стоять.

– Драка окончена, – говорю я. – Я больше так не буду. По крайней мере, здесь.

– Мы должны следовать правилам, – говорит другой мужчина, помоложе. – Пожалуйста, мы обсудим, что произошло, а затем тебя отпустим.

Они говорят с такой мягкостью. Не тихо, как альтруисты, которые всегда боятся причинить беспокойство и нарушить чужие границы. Негромкие, приятные голоса. Интересно, чему они учат своих неопитов в первую очередь? Как лучше всего говорить, двигаться и улыбаться, чтобы умиротворять себя и окружающих?

Я сажусь на краешек, чтобы быстро встать, если потребуется. Младший из мужчин встает передо мной. Позади меня скрипят петли. Я гляжу через плечо. Старший открыл шкаф позади меня и стал возиться на полках.

– Что вы делаете?

– Завариваю чай, – сказал он.

– Не думаю, что чай способен решить проблему.

– Тогда скажи нам, – обращается ко мне молодой надзиратель, и я снова поворачиваюсь к окнам. Мужчина улыбается мне. – Как ты считаешь, что ее решит?

– Если выгнать отсюда Питера.

– Мне кажется, ты на него напала, – произносит он. – И именно ты ранила его в руку.

– Вы понятия не имеете, что он наделал, чтобы заслужить такое, – отвечаю я. Мои щеки начинают пылать в такт моему пульсу. – Он пытался убить меня. И еще. Ударил другого ножом в глаз... *тупым ножом для масла*. Он – зло. У меня полное *право*...

Я чувствую острую боль в шее, и перед глазами начинают мелькать черные точки, сужая поле зрения.

– Извини, милая, – говорит он. – Мы только следуем правилам.

У старшего мужчины в руке шприц. В нем осталась пара капель ярко-зеленой жидкости, которую он вколол мне. Я моргаю, и темные точки пропадают, но вокруг все плывет, будто я сижу в кресле-качалке и раскачиваюсь вперед-назад.

– Что ты чувствуешь? – спрашивает младший мужчина.

– Я чувствую... *гнев*, – собираюсь сказать я. – Гнев на Питера, гнев на Товарищество. *Но ведь все не так, правда?* – Я улыбаюсь. – Мне хорошо. Только немного... все плывет. Или качается. А *вы* как себя чувствуете?

– Головокружение – побочный эффект сыворотки. Можешь отдохнуть в этой комнате. Я чувствую себя хорошо. Спасибо, что спросила, – объясняет он. – Можешь уходить прямо сейчас, если хочешь.

– Не подскажите, где мне сейчас найти Тобиаса? – осведомляюсь я. Представляю себе его лицо, и влечение волной подымается внутри. Сейчас мне хочется немедленно поцеловать его. – В смысле, Четыре. Он симпатичный, правда? Я до сих пор не понимаю, почему я ему так понравилась. Я ведь не слишком красивая, правда?

– Не всегда, – отвечает мужчина. – Но, думаю, сможешь, если постарайся.

– Спасибо вам, было очень приятно это услышать, – отвечаю я.

– Думаю, ты найдешь его в саду, – продолжает он. – Я видел, что после драки он пошел туда.

Я усмехаюсь.

– Драка. Какая глупость...

Сейчас это действительно кажется мне ерундой – желание вдарить кулаком другому человеку. Будто слишком грубая ласка. Может, стоило просто погладить Питера по руке. Так было бы лучше для нас обоих. И суставы теперь не болели бы.

Я встаю и с усилием иду к двери. Хватаюсь за стену, чтобы не потерять равновесие. Она шероховатая, но это не имеет значения. Спотыкаясь, бреду по коридору и смеюсь над своей неспособностью удержать равновесие. Я снова неловкая, как в детстве. Мама часто улыбалась мне.

– Гляди, куда ставишь ноги, Беатрис, – говорила она. – Я не хочу, чтобы ты ушиблась.

Я выхожу наружу, и листья деревьев кажутся мне зеленее, чем раньше, такие сочные, что я, кажется, могу попробовать цвет на вкус. Может, я действительно могу сделать так, ведь я в детстве жевала цветы. Я едва не падаю с лестницы, шатаясь. Хохочу, когда трава начинает щекотать мои босые ноги. Тащусь к саду.

– Четыре! – воплю я. Почему я произнесла название цифры? А, да. Так его зовут, – Четыре! – снова кричу я. – Ты где?

– Трис? – раздается голос справа из-за деревьев. Будто растение со мной заговорило. Я смеюсь, но это действительно Тобиас, он пригибается под веткой и идет ко мне.

Я бегу к нему, земля уходит из-под ног, и я едва не падаю. Его рука касается моей талии и поддерживает меня. Прикосновение пронизывает мои внутренности, будто разряд, они горят, будто его пальцы подожгли их. Я прижимаюсь к нему и задираю голову, чтобы поцеловать Тобиаса.

– Что они... – начинает он, но я прерываю его фразу губами. Он целует меня, но так поспешно, что я тяжело вздыхаю.

– Было глупо, – смеюсь я. – Ладно, не очень, но...

Я встаю на цыпочки, чтобы снова поцеловать его, но он прижимает палец к моим губам, останавливая меня.

– Трис, что они с тобой сделали? – спрашивает он. – Ты ведешь себя, как безумная.

– Не очень хорошо говорить так, – объясняю я. – Они привели меня в хорошее настроение. И сейчас я просто хочу поцеловать тебя. Если ты просто *расслабишься*...

– Не сейчас. Я хочу выяснить, что происходит.

Я надуваю губы, но потом ухмыляюсь. В моем уме все складывается в целую картинку.

– Так вот *почему* я тебе нравлюсь, – заявляю я. – Потому, что ты сам не слишком-то хороший! Я понимаю.

– Давай, – заявляет он. – Мы идем к Джоанне.

– Ты мне тоже нравишься.

– Воодушевляет, – равнодушно отвечает он. – *Пошли*. Ох, боже мой. Мне придется нести тебя.

Он подхватывает меня на руки, одной рукой под спину, другой – под колени. Я обнимаю его за шею и чмокаю в щеку. Потом осознаю, как здорово болтать ногами в воздухе, и делаю так всю дорогу, пока он несет меня к зданию, где работает Джоанна.

Когда мы оказываемся в ее кабинете, Рейес сидит за столом перед стопкой бумаг, жуя ластик на конце карандаша. Видит нас и слегка приоткрывает рот от удивления. Большая прядь темных волос закрывает левую сторону ее лица.

– Тебе на самом деле не надо скрывать шрам, – говорю я. – Ты будешь выглядеть красивее, если перестанешь прятать лицо под волосами.

Тобиас опускает меня на пол слишком резко. Встряска сильная и немного отдается болью в плече, но мне нравится звук, с которым мои ноги стучаются о твердую поверхность. Я смеюсь, но ни Тобиас, ни Джоанна не радуются вместе со мной.

– Что вы с ней сделали? – жестко спрашивает Тобиас. – Что, ради бога, ты творишь?

– Я...

Джоанна хмуро глядит на меня.

– Наверное, слишком много вкололи. У нее маленькая масса тела, и они не приняли во внимание рост и вес.

– Вкололи слишком много *чего*? – переспрашивает он.

– У тебя прекрасный голос, – заявляю я.

– Трис, помолчи, пожалуйста, – просит он.

– Сыворотки умиротворения, – отвечает Джоанна. – В малых дозах она действует как мягкое успокоительное и улучшает настроение. Единственный побочный эффект – небольшое головокружение. Мы используем ее для тех членов сообщества, которым не удастся вести себя мирно.

Тобиас фыркает.

– Я не идиот. У *всех* членов вашего сообщества подобные проблемы, ведь все они – люди. Видимо, вы добавляете эту химию в воду.

Джоанна пару секунд молчит, сложив руки на груди.

– Ты наверняка понимаешь, что дело в другом, иначе конфликт и не случился бы, – поясняет она. – Но все, что мы здесь делаем, мы осуществляем по общему согласию фракции. Если бы мне потребовалось дать сыворотку целому городу, я бы так и поступила. И ты бы не оказался в нынешней ситуации.

– Точно, – отвечает он. – Накачать все население наркотой – лучшее решение наших проблем. Отличный план.

– Сарказм – штука недобрая, Четыре, – мягко говорит она. – Пока я просто извинюсь за то, что Трис по ошибке дали большую дозу. Прошу прощения, но девочка нарушила условия соглашения, и в результате, боюсь, вы не сможете здесь долго оставаться. Ссора между ней и тем мальчиком – Питером – такая вещь, которую мы не забудем.

– Не беспокойся, – отвечает Тобиас. – Мы намерены уйти так быстро, как только сможем.

– Хорошо, – едва улыбнувшись, соглашается Джоанна. – Мир между Товариществом и лихачами поддерживается только на определенной дистанции.

– Это многое объясняет.

– Прости? На что ты намекаешь? – спрашивает она.

– На то, – цедит он, – почему вы, под видом *нейтралитета* – если такое вообще возможно, – оставили нас гибнуть в лапах эрудитов.

Джоанна тихо вздыхает и смотрит в окно. Там небольшой дворик, в котором растет виноград. Лозы взбираются на уголки окон, будто пытаясь влезть внутрь и принять участие в разговоре.

– Товарищество ничего такого не делало, – говорю я. – Это *низость*.

– Мы не вмешиваемся во имя мира, – начинает Джоанна.

– Мира, – произносит Тобиас, будто выплевывая слово. – Да, я уверен, все станет просто чудесно, если мы будем либо мертвы, либо выживем, но нас накроет страх от угрозы контроля сознания и непрекращающихся симуляций.

Лицо Джоанны перекашивается, и я пытаюсь подражать ей, чтобы понять, как себя чувствует человек с таким выражением. Ощущение мне не нравится. Я не понимаю, почему оно у нее появилось.

– Я не принимаю решения, – продолжает она. – Иначе наш нынешний разговор был бы совсем иным.

– Хочешь сказать, ты не согласна с ними?

– Не могу публично высказать недоверие к моей фракции, но в личной беседе я откровенна.

– Трис и я покинем вас в течение пары дней, – заявляет Тобиас. – Я надеюсь, фракция не изменит решения и оставит это место убежищем.

– Думаю, да. А Питер?

– Сами разбирайтесь, – отрезает он. – Поскольку с нами он не пойдет.

Он берет меня за руку, и мне приятно ощущение кожи Тобиаса, хотя она не гладкая и не мягкая. Я улыбаюсь Джоанне, но выражение ее лица не меняется.

– Четыре, – начинает она. – Если ты и твои друзья желают... не попасть под влияние сыворотки, вам не следует есть хлеб.

Тобиас благодарит Рейес, мы идем по коридору, и я через каждый шаг спотыкаюсь.

Глава 7

Эффект сыворотки заканчивается через пять часов, когда заходит солнце. Тобиас закрывает меня в комнате на весь день и постоянно проверяет мое состояние. Когда он появляется в очередной раз, я сижу на кровати и напряженно смотрю в стену.

– Слава богу, – вздыхает он, прислоняясь лбом к двери. – Я уже думал, что кошмар будет бесконечным и мне придется оставить тебя здесь... нюхать цветочки и делать все, что тебе захочется, под влиянием химической дряни.

– Я их прибую, – говорю я. – *Прибую*.

– Не стоит. Мы все равно скоро уходим, – отвечает он, закрывая за собой дверь. Достает из заднего кармана жесткий диск. – Думаю, надо спрятать его за шкафом.

– Он там уже был.

– Ага, и именно поэтому Питер не станет искать его здесь снова, – заявляет Тобиас, одной рукой отодвигая шкаф, а другой – засовывая за него диск.

– Почему я не смогла преодолеть действие сыворотки умиротворения? – удивляюсь я. – Если мои мозги такие чудные, они даже смогли сопротивляться симуляции, почему не справились теперь?

– На самом деле, не знаю, – произносит он. Плюхается на кровать рядом со мной, сбивая матрас. – Может, чтобы противостоять сыворотке, надо *желать этого*.

– Ну, очевидно, я *желала*, – неуверенно отвечаю я. Или было так здорово забыть про гнев, боль просто на пару часов?

– Иногда люди хотят быть счастливыми, даже если не по-настоящему, – и он обнимает меня за плечи.

Он прав. Даже сейчас мир между нами основан на том, что мы не говорим об определенных вещах. Об Уилле, о моих родителях, о том, как я ему чуть в голову не выстрелила. О Маркусе. Но я не смею разрушить этот мир правдой, поскольку я держусь за него руками и ногами, чтобы не рухнуть самой.

– Должно быть так, – шепчу я.

– Ты *уступаешь*? – спрашивает он, открывая рот в притворном изумлении. – Похоже, хоть какая-то польза есть от этой сыворотки...

Я изо всех сил толкаю его локтем.

– Возьми свои слова назад. *Сейчас же*.

– Ладно, ладно!

Он поднимает руки.

– Просто... я тоже не настолько хороший, ты же знаешь. Поэтому ты мне так нравишься...

– Вон! – кричу я, показывая на дверь.

Усмехаясь, Тобиас целует меня в щеку и уходит.

Этим вечером мне так стыдно за произошедшее, что я не прихожу на ужин. Вместо этого я сижу на дереве в дальнем конце сада и ем спелые яблоки. Забираюсь настолько высоко, насколько смелости хватает. Мышцы горят от напряжения. Но даже тут я продолжаю горевать и поэтому стараюсь отвлечься.

Вытирая лоб краем футболки, я слышу непонятный звук. Сначала еле различимый, не громче стрекота цикад. Замираю и прислушиваюсь, и, спустя мгновение, понимаю, что это машины.

У Товарищества есть дюжина грузовиков, на которых они возят разные вещи, но только по выходным. У меня холодеет затылок. Значит, приближаются эрудиты. Но надо убедиться.

Я хватаюсь за ветку у себя над головой обеими руками, но подтягиваюсь на одной левой. Удивляюсь, что до сих пор способна на такое. Листья путаются и шуршат в волосах. Когда я переношу вес на другую сторону, падает пара яблок. Деревья не слишком-то высокие, и обзор не очень хороший.

Используя соседние ветки в качестве ступенек, изворачиваясь и вытягиваясь, я пробирюсь выше. Вспоминаю, как карабкалась на колесо обозрения на пирсе. Тогда мышцы дрожали, а руки тряслись. Сейчас я ранена, но с тех пор стала сильнее. Мне уже гораздо легче справиться.

Ветки становятся все тоньше и гибче. Облизнув губы, я гляжу по сторонам. Нужно забраться как можно выше, но яблоня выглядит ненадежно. Я ставлю на очередную «ступень» одну ногу и переношу вес, проверяя ее. Она гнется, но выдерживает. Я начинаю приподниматься, чтобы поставить вторую ногу, и тут ветка ломается.

Ахнув, я откидываюсь назад, но в последний момент хватаюсь за ствол. Хватит. Я и так достаточно высоко забралась. Приподнявшись на цыпочки, я прищуриваюсь и гляжу в том направлении, откуда доносится звук.

Вокруг только раскинувшиеся поля, полоска пустой земли, ограда, пустыри и здания за ней. Потом вижу, что к воротам подъезжают несколько точек. Они серебрятся в ярких лучах. Легковые машины с черными крышами. Солнечные батареи. Действительно, эрудиты.

Я с шипением выдыхаю воздух. Не позволяя себе задумываться, начинаю переставлять ноги с ветки на ветку и так тороплюсь, что сдираю кору. Как только я оказываюсь на земле, то несусь к домам.

На бегу я считаю ряды деревьев. *Семь, восемь.* Ветки опускаются ниже, и мне приходится на бегу пригнуться, чтобы миновать их. *Девять, десять.* Я прижимаю к груди правую руку. Пулевая рана отдает болью на каждый шаг. *Одиннадцать, двенадцать.*

Добежав до тринадцатого ряда, я бросаюсь вправо, в один из проходов. В тринадцатом ряду яблони стоят плотно, их ветви переплетаются, образуя настоящий лабиринт.

Легкие начинают жечь от нехватки кислорода, но я уже близко к краю сада. Пот стекает по бровям. Я подбегаю к столовой и вламываюсь в дверь, расталкивая в стороны группу мужчин из Товарищества. Он там. Тобиас сидит с краю кафетерия, вместе с Питером, Калемом и Сюзан. Я едва вижу их сквозь звездочки, мельтешащие перед глазами, но тут Тобиас касается моего плеча.

– Эрудиты, – отвечаю я.

– Едут сюда? – спрашивает он.

Я киваю.

– У нас есть время сбежать?

А вот в этом я не уверена.

К этому времени альтруисты, сидящие у другого конца стола, обращают на нас внимание и собираются вокруг нас.

– Почему мы должны бежать? – спрашивает Сюзан. – Товарищество объявило эту территорию зоной мира. Они не допустят конфликтов.

– У Товарищества не получится претворить в жизнь политику, – говорит Маркус. – Как можно остановить конфликт с наименьшими потерями?

Сюзан кивает.

– У нас нет времени, – беспокоится Питер. – Нас увидят.

– У Трис есть пистолет, – напоминает Тобиас. – Попробуем пробиться.

Он направляется к спальням.

– Подожди, – говорю я. – Есть идея.

Я оглядываю толпу альтруистов.

– Переодеться. Эрудиты не могут знать в точности, что мы еще здесь. Мы можем прикинуться членами Товарищества.

– Те из вас, кто не одет в одежды Товарищества, уходите в спальни, – предлагает Маркус. – Остальные распустите волосы, пригладьте их. И попытайтесь подражать поведению членов Товарищества.

Альтруисты, одетые в серое, плотной группой выходят из столовой и быстро пересекают двор, направляясь к гостевому дому. Оказавшись внутри, я забегаю в свою комнату, становлюсь на колени и протягиваю руки под матрас, за пистолетом.

Шарю там пару секунд, а когда нахожу, мне сжимает горло, и я даже глотать не могу. Я не хочу касаться оружия. Нет.

Давай, Трис. Я засовываю пистолет за пояс красных штанов. Хорошо, что они такие мешковатые. Заметив на прикроватном столике флаконы с заживляющей мазью и обезболивающим, прячу их в карман – на всякий случай.

Потом достаю из-за шкафа жесткий диск.

Если эрудиты нас поймают, нас обыщут, и я не хочу снова потерять программу симуляции, с помощью которой лихачи пошли в атаку. Но здесь еще и записи камер слежения, во время того момента нападения, когда мы потеряли наших людей. Кадры смерти моих родителей. Все, что осталось у меня. Поскольку альтруисты не фотографируются, это единственная память о том, как выглядели мама с отцом.

Спустя годы мои воспоминания потускнеют... и я забуду их лица навсегда.

Не будь душой. Это не настолько важно.

Я сильно, до боли, сжимаю в руке диск.

Тогда почему я так переживаю?

– Не глупи, – говорю я вслух. Я хватаю с прикроватного столика лампу. Вытаскиваю вилку из розетки, сдергиваю абажур на кровать и сажусь, глядя на жесткий диск. Смаргивая слезы, бью основанием лампы по корпусу диска. Появляется трещина.

Бью еще несколько раз, пока корпус диска не раскалывается и куски не разлетаются по полу. Я заталкиваю обломки ногой под шкаф и выхожу в коридор, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

Спустя пару минут небольшая группа людей в сером, в их числе – Питер, собирается в коридоре и начинает рыться в стопках одежды.

– Трис, – напоминает Калеб. – Ты все еще в сером.

Я хватаюсь за край серой отцовской рубашки и мешкаю.

– Это папина, – говорю я. Если я ее сниму, то придется оставить ее здесь. Я прикусываю губу, чтобы успокоиться. Мне придется от нее избавиться. Это просто одежда. Вот и все.

– Я надену ее под свою, – предлагает Калеб. – Они не увидят.

Я киваю и хватаю со стремительно худеющей стопки одежды красную рубаху. Достаточно большую, чтобы скрыть пистолет. Ныряю в ближайшую комнату, чтобы переодеться. Возвращаюсь в коридор и отдаю Калебу отцовскую, серую. Дверь открыта, и я вижу, как Тобиас запикивает одежду альтруистов в мусорный бак.

– Как думаешь, члены Товарищества станут лгать, чтобы спасти нас? – спрашиваю я, высовываясь в дверь.

– Чтобы предотвратить конфликт? – уточняет Тобиас и кивает: – Станут, точно.

На нем красная рубашка с воротничком и разодранные на одном колене джинсы. Это сочетание выглядит на нем просто глупо.

– Классный прикид, – говорю я.

Он морщит нос, глядя на меня.

– Единственное, что может прикрыть татуировку на шее.

Я нервно улыбаюсь. Я и забыла про татуировки. Но моя одежда вполне хорошо их прячет от посторонних глаз.

Автомобили эрудитов въезжают на территорию Товарищества. Их пять, серебристых с черными крышами. Моторы жужжат, колеса постукивают, перекатываясь через неровности. Я ныряю обратно в дом, Тобиас возится с запором на крышке бака.

Машины останавливаются, двери распахиваются. Выходят пятеро мужчин и женщин в синей одежде Эрудиции.

И еще человек пятнадцать в черной одежде Лихачества.

Когда лихачи подходят ближе, я замечаю у них на руках полоски синей ткани. Это означает союз с Эрудицией. Фракцией, которая поработила их сознание.

Тобиас берет меня за руку и ведет внутрь дома.

– Я не думал, что наша фракция может вести себя настолько глупо, – говорит он. – У тебя есть пистолет?

– Да, – отвечаю я. – Но не уверена, что смогу точно стрелять с левой руки.

– Надо над этим поработать, – говорит он. Инструктор – он и есть инструктор.

– О'кей, – соглашаюсь я, слегка дрожа. – Если живы останемся.

Он проводит ладонями по моим обнаженным предплечьям.

– Слегка поспотыкайся, когда будешь у них на виду, – шепчет он, целуя меня в лоб. – Сделай вид, что насмерть испугалась их оружия. Прикинься божьей коровкой, полной своей противоположностью, – добавляет он, целуя меня в щеку. – И с тобой все будет в порядке.

– О'кей, – снова бормочу я. Дрожащими руками хватаю его за воротник и притягиваю к себе. Целую в губы.

Звонит колокол, раз, два, три. Вызов в столовую, где Товарищество собирается по менее официальным поводам, чем прошлая встреча, на которой мы оказались. Мы присоединяемся к толпе альтруистов, переодетых членами Товарищества.

На ходу я выдергиваю шпильки из волос Сьюзан. Слишком строгий стиль прически для Товарищества. Она еле заметно улыбается мне с благодарностью. Волосы рассыпаются по плечам. Я впервые в жизни вижу ее с такой прической. Даже ее квадратная челюсть стала выглядеть мягче.

Я должна бы вести себя храбрее, чем альтруисты, но, судя по всему, они нервничают меньше меня. Улыбаются друг другу и спокойно идут молча. Слишком тихо. Я протискиваюсь между ними и толкаю в плечо одну из старших женщин.

– Скажите детям, пусть играют в салки, – говорю я ей.

– Салки? – переспрашивает она.

– Они ведут себя слишком почтительно... как Сухари, – говорю я, морщась от слова, которым меня часто звали среди лихачей. – Дети Товарищества всегда шумят и играют. Сделайте так, хорошо?

Женщина касается плеча ближайшего ребенка и что-то шепчет ему. Через пару секунд стайка детей начинает носиться по коридору, уворачиваясь от идущих вперед членов Товарищества, радостно крича.

– Салка! Водишь! Нет, только рукав осалил!

Кaleb подхватывает эстафету и тычет Сьюзан под ребра. Та взвизгивает и хохочет. Я тоже пытаюсь расслабиться, сделав свою походку более неуверенной. Размахиваю руками, оглябая угол. Как странно. Делая вид, что ты из другой фракции, ты вынужден менять все. Еще необычнее то, что я могла принадлежать к одной из трех разных фракций.

Мы нагоняем остальных членов Товарищества, пересекая двор, заходим в столовую и растворяемся в толпе. Боковым зрением я слежу за Тобиасом, стараясь не удаляться от него. Члены Товарищества не задают вопросов. Они просто позволяют нам быть среди них.

У дверей стоят двое предателей-лихачей с пистолетами в руках. Я деревенею. Внезапно для меня становится абсолютно реальным, что меня, безоружную и беззащитную, гонят в здание, окруженное лихачами и эрудитами. Если они меня обнаружат, то не сбежать. Они пристрелят меня на месте.

Я решаю сменить ход мысли. А куда мне деваться, если меня не поймают? Я стараюсь дышать совершенно нормально, проходя мимо них. *Не смотреть, не смотреть.* Еще пара шагов. *Не оборачиваться, не оборачиваться.*

Сюзан берет меня под руку.

– Хочешь шутку, очень забавную? – говорит она.

Я прикрываю рот рукой и заставляю себя издать смешок, немного визгливый, совершенно чуждый мне, но, судя по ее улыбке, вполне нормальный для другого человека. Мы повишаем друг на друга, как обычно делают девочки из Товарищества, глядим на лихачей и снова хихикаем. Я поражаюсь, как мне только это удастся при том ощущении свинцовой тяжести внутри, которое давит на меня.

– Спасибо тебе, – шепчу я, когда мы оказываемся внутри.

– Всегда пожалуйста, – отвечает она.

Тобиас садится напротив меня за одним из длинных столов, рядом со мной – Сюзан. Остальные альтруисты распределяются по всей столовой, Кaleb и Питер – в паре стульев от меня.

Я начинаю постукивать пальцами по коленкам. Все мы ждем. Долгое время мы просто сидим, я делаю вид, что слушаю, о чем рассказывает сидящая слева от меня девочка из Товарищества. Но я слишком часто бросаю взгляды на Тобиаса, и он сразу же глядит в ответ, будто мы перекидываем друг другу наш страх, как мяч.

Наконец, входит Джоанна вместе с женщиной-эрудитом. Ярко-синяя рубашка, кажется, светится на фоне ее темно-коричневой кожи. Говоря с Джоанной, женщина оглядывает зал. Когда она находит взглядом меня, я задерживаю дыхание. И выдыхаю, когда ее глаза скользят дальше, не задержавшись. Она меня не узнала.

По крайней мере, пока.

Кто-то стучит по столу, и воцаряется тишина. Вот оно. Момент, когда нас либо сдадут, либо – нет.

– Наши друзья из Эрудиции и Лихачества ищут определенных людей, – говорит Джоанна. – Несколько человек из Альтруизма, трое из Лихачества и бывшего неопита из Эрудиции.

Она улыбается.

– В интересах нашего полноценного сотрудничества я сказала им, что люди, которых они ищут, здесь были, но уже ушли. Они просят разрешения на обыск помещений, следовательно, нам следует проголосовать. Кто-нибудь возражает против обыска?

Напряжение в ее голосе явственно говорит, что если кто и против, то ему лучше не открывать рта. Не знаю, как в Товариществе относятся к такого рода невербальным посланиям, но все молчат. Джоанна кивает женщине-эрудиту.

– Трое, оставайтесь здесь, – говорит она охранникам-лихачам, столпившимся у входа. – Остальные, разойтись и начать обыск. Если что-то найдете, докладывайте. Вперед.

Они могут обнаружить очень многое. Обломки жесткого диска. Одежду, которую я забыла выбросить. Подозрительное отсутствие безделушек и украшений в наших комнатах. Я чувствую пульсацию в голове, когда трое оставшихся лихачей начинают расхаживать вдоль столов.

Я ощущаю покалывание в затылке, когда один из них проходит позади меня, громко топая. Не первый раз в жизни я рада, что выгляжу простой, неприметной и маленькой.

Но внимание привлекает Тобиас. Гордость сквозит в его осанке, в уверенном взгляде. Это не в стиле Товарищества. Так ведут себя только лихачи.

Проходящая мимо женщина-лихач внимательно глядит на него. Когда она подходит ближе, то сощуривается и останавливается рядом с ним.

Хорошо, если бы воротник его рубашки был поднят повыше. Если бы у Тобиаса было поменьше татуировок. Если бы...

– У тебя слишком короткая стрижка для Товарищества, – замечает она.

– Жарко, – отвечает он.

...если бы у него волосы не были пострижены, как у альтруиста.

Отговорка сработала бы, если бы он знал, как подать свои слова, но он говорит слишком резко.

Она одним указательным пальцем оттягивает его воротник. И видит татуировку.

И Тобиас начинает действовать.

Он хватается женщину за кисть и дергает ее вверх так, что она теряет равновесие. Ударяется головой о край стола и падает на пол. В другом конце зала стреляет пистолет, кто-то визжит, все ныряют под столы и прячутся.

Все, кроме меня. Я сижу на месте, как и до выстрела, вцепившись пальцами в край стола. Я осознаю, где я, но теперь не вижу столовой. Я в том переулке, где бежала, когда погибла моя мама. Я гляжу на пистолет в своей руке и на гладкую кожу между бровей Уилла.

В моей глотке клокочет тихий вопль. Это был бы громкий крик, если бы я не сидела, сжав зубы. Воспоминания оставляют меня, но я не в силах пошевелиться.

Тобиас хватается женщину-лихача за шею и встряхивает, поднимая на ноги. Он уже схватил ее оружие. Прикрывается ею и стреляет через ее правое плечо в другого лихача, через весь зал.

– Трис! – кричит он. – Поможешь?

Я немного задираю рубашку, чтобы достать пистолет. Мои пальцы чувствуют металл. Такой холодный, что обжигает кончики пальцев. Не может быть, ведь здесь так жарко. Лихач на другом конце зала наводит на меня револьвер. Черный зрачок ствола, кажется, охватывает меня, и я слышу только биение своего сердца.

Калевб бросается ко мне и хватается мой ствол. Держит его обеими руками и стреляет в колено лихача, который стоит меньше чем в метре.

Крича от боли, лихач падает на пол, хватаясь за раненую ногу. Это дает Тобиасу возможность выстрелить ему в голову. Боль лихача оказывается недолгой.

Я дрожу всем телом и не могу остановить это. Тобиас продолжает держать женщину-лихача за горло, но теперь он наставляет дуло на женщину-эрудита.

– Скажешь слово – пристрелю, – шепчет он.

Женщина-эрудит стоит, открыв рот, но молчит.

– Все, кто с нами, бежим, – вопит Тобиас. Его голос заполняет зал.

Альтруисты мгновенно выбирают из-под столов и мчатся к двери. Калевб сдергивает меня со скамейки. Я тоже бегу к выходу.

И тут я вижу мельком какое-то движение. Женщина-эрудит поднимает руку. В ней небольшой пистолет. Она наставляет его на мужчину в желтой рубашке, который впереди меня. Инстинкт, не расчет, заставляет меня действовать. Я бросаюсь вперед. Сталкиваю мужчину в сторону, и пуля попадает в стену, а не в человека.

– Брось оружие, – спокойно говорит Тобиас, наставляя на нее револьвер. – Я *очень хорошо* стреляю, в отличие от тебя.

Я пару раз моргаю, чтобы перед глазами не плыло. Питер глядит на меня. Я только что спасла ему жизнь. Он не благодарит меня, а я не показываю, что его узнала.

Женщина-эрудит бросает пистолет. Питер и я быстро добираемся до двери. Тобиас идет следом, пятясь и держа на прицеле женщину-эрудита. Переступив порог, он мгновенно захлопывает дверь.

И мы бежим.

Летим сломя голову по центральному проходу сада, едва дыша. Вечерний воздух тяжелый, как одеяло, и пахнет дождем. Вслед нам звучат крики. Хлопают двери машин. Я несусь так, как не бегала никогда в жизни, будто дышу адреналином, а не воздухом. Вслед мне несется жужжание моторов. Тобиас хватается меня за руку.

Мы врезаемся в кукурузное поле, вытянувшись в линию. И тут машины настигают нас. Фары светят между высоких стеблей, подсвечивая листья и початки.

– Рассредоточиться! – кричит кто-то. Голос похож на голос Маркуса.

Мы разбегаемся в стороны и летим через поле, как брызги воды. Я хватаю за руку Калеба. Позади судорожно дышит Сюзан.

Мы натываемся на стебли, тяжелые листья режут мне руки и щеки. Тобиас – впереди. Я гляжу на его лопатки. Потом слышу глухой удар и крик. Крики повсюду, слева, справа. Выстрелы. Альтруисты гибнут, снова гибнут, точно так же, как тогда, когда мне пришлось делать вид, что я под воздействием симуляции. А я бегу – и только.

Наконец мы добираемся до ограды. Тобиас бежит вдоль, толкая ее рукой, пока не находит дырку. Отводит в сторону звенья сетки. Я, Кaleb и Сюзан пролезаем внутрь. Я оглядываюсь на кукурузное поле. Вдалеке светят фары машин. Но я ничего не слышу.

– Где остальные? – шепотом спрашивает Сюзан.

– Погибли, – отвечаю я.

Сюзан всхлипывает. Тобиас грубо притягивает меня к себе и идет вперед. Лицо горит от неглубоких порезов, но глаза сухие. Смерть альтруистов – дополнительный груз, который я опять не смогу сбросить со своих плеч.

Мы держимся подальше от грунтовой дороги, по которой эрудиты и лихачи приехали в район Товарищества. Идем вдоль железных путей, ведущих в глубь города. Здесь спрятаться негде, нет ни деревьев, ни домов, но это уже не важно. Эрудиты не смогут проехать на машинах сквозь ограду, и на то, чтобы добраться до ворот, у них уйдет некоторое время.

– Мне надо... остановиться... – говорит Сюзан, откуда-то из темноты позади меня.

Мы останавливаемся, и она падает на землю, рыдая. Кaleb садится на корточки рядом с ней. Тобиас и я глядим в сторону города. Он сверкает огнями, ведь еще нет и полуночи. Я хочу ощутить хоть что-нибудь. Страх, гнев, печаль. Но внутри меня пустота. Я чувствую только одно – надо идти дальше.

Тобиас поворачивается ко мне.

– Что это было, Трис? – спрашивает он.

– Что? – переспрашиваю я, стыдясь той слабости, которая звучит в моем голосе. Не знаю, имеет ли он в виду Питера или нечто другое.

– Ты остолбенела! Тебя хотели убить, а ты просто *сидела*!

Он срывается на крик.

– Я думал, могу положиться на тебя, по крайней мере, когда речь идет о спасении твоей жизни!

– Эй, дай ей прийти в себя, ладно! – восклицает Кaleb.

– Нет, – отвечает Тобиас, глядя на меня. – Ей не надо этого делать. – В чем дело? – спрашивает он уже мягче.

Он все еще считает меня сильной. Достаточно сильной, чтобы не нуждаться в его сострадании. Раньше я считала, что он прав, но теперь уже не уверена. Я прочищаю горло.

– Я запаниковала, – отвечаю я. – Больше такого не повторится.

Он приподнимает бровь.

– Не повторится, – повторяю я громче.

– О'кей, – без особой уверенности соглашается он. – Нам надо найти безопасное место.

Они перегруппируются и начнут искать нас.

– Ты думаешь, мы их настолько интересуем? – спрашиваю я.

– Мы – да, – отвечает он. – Вероятно, мы единственные, кого они искали, не считая Маркуса, который скорее всего погиб.

Даже не знаю, какие эмоции он хотел вложить в эти слова. Возможно, он мог произнести их с облегчением, поскольку Маркус, его отец и ужас детства, наконец-то оставил Тобиаса. С болью и печалью потому, что убили отца, а утрата и грусть не всегда логичны. Но он произносит все, как простой факт, будто говорит, куда нам дальше идти, или уточняет, который час.

– Тобиас... – начинаю я, но замолкаю.

– Пора, – напоминает он, оборачиваясь.

Кaleb поднимает Сюзан на ноги. Она может брести, только опираясь на его руку.

До сих пор я не понимала, чему научила меня инициация у лихачей. Очень важному. Как не останавливаться.

Глава 8

Мы решаем передвигаться по городу вдоль железнодорожных линий, поскольку все мы не слишком хорошо в нем ориентируемся. Я шагаю от стрелки к стрелке, Тобиас идет по рельсе, балансируя и лишь изредка пошатываясь, Калёб и Сюзан плетутся сзади. Я вздрагиваю от любого непривычного шума, напрягаясь, пока не осознаю, что это либо ветер, либо скрип ботинок Тобиаса. Хорошо бы бежать, но мне уже повезло, что мои ноги способны хотя бы идти.

Внезапно я слышу тихий гул.

Я наклоняюсь, прикладываю ладони к рельсам и закрываю глаза, чтобы сосредоточиться на ощущении от металла. Вибрация проникает сквозь мое тело, будто тихий вздох. Глянув промеж коленок Сюзан вдаль, я не вижу фары локомотива, но это ничего не значит. Бывает, поезд идет без сигналов и с потушенными фарами.

Вижу отблеск корпуса небольшого локомотива, он далеко, но быстро приближается.

– Он едет, – произношу я. С трудом встаю, опираясь руками о колени, ведь мне очень хочется отдохнуть. – Думаю, надо сесть на него.

– Даже если им управляют эрудиты? – спрашивает Калёб.

– Если бы эрудиты водили поезда, они бы приехали на нем в район Товарищества, когда взяли нас искать, – говорит Тобиас. – Думаю, стоит рискнуть. В городе мы сможем спрятаться. А тут мы просто ждем, когда они нас обнаружат.

Мы отходим от путей. Калёб начинает подробно объяснять Сюзан, как запрыгивать в едущий поезд, так подробно, как может делать лишь бывший эрудит. Я гляжу на приближающийся локомотив. Прислушиваюсь к ритмичному перестуку колес на стыках рельс, шелесту, когда они катятся по гладкой поверхности.

Когда первый вагон проезжает мимо меня, я начинаю бежать. Не обращаю внимания на жжение в ногах. Калёб помогает Сюзан забраться в средний вагон, а затем запрыгивает сам. Я делаю резкий вдох и выбрасываю мое тело вправо, плюхаясь на пол вагона. Мои ноги свисают наружу. Калёб хватается за левую руку и втаскивает внутрь. Тобиас, как обычно, запрыгивает в вагон, хватаясь за ручку и делая полуоборот вокруг нее.

Я поднимаю взгляд, и мое дыхание замирает.

В темноте блестят глаза. Внутри сидят темные фигуры, и их больше, чем нас.

Бесфракционники.

Ветер свистит, несясь сквозь вагон. Все резко встают. Каждый вооружен, кроме меня и Сюзан, у которой револьвера и не было. Мужчина-бесфракционник с повязкой на глазу наставляет пистолет на Тобиаса. Интересно, откуда он его взял.

Рядом с ним женщина-бесфракционник, постарше, с ножом в руке. Таким, каким я обычно режу хлеб. Кто-то другой позади держит в руках большую доску с торчащим гвоздем.

– Еще ни разу не видела людей из Товарищества при оружии, – говорит женщина с ножом.

Мужчина-бесфракционник с пистолетом выглядит как-то знакомо. На нем потрепанная одежда разных цветов – черная футболка, поверх нее – драная куртка альтруиста, синие джинсы с красной строчкой и коричневые ботинки. На них цвета всех фракций – черные брюки Правдолюбия с черной футболкой Лихачества, а сверху – желтые костюмы с синими свитерами. По большей части, одежда рваная и запачканная, но не вся. Недавно украденная, предполагаю я.

– Они не из Товарищества, – заявляет мужчина с пистолетом. – Лихачи.

И тут я узнаю его. Это Эдвард, парень, проходивший инициацию вместе со мной, который был вынужден уйти из Лихачества после того, как Питер ударил его ножом для масла. Вот почему у него повязка на глазу.

Я вспоминаю, как держала его руками за голову, когда он лежал на полу и орал от боли. Как вытирала кровь, когда парня унесли.

– Привет, Эдвард, – говорю я.

Он немного наклоняет голову в мою сторону, но не опускает пистолет.

– Трис, – удивляется он в ответ.

– Кто бы вы ни были, лучше вам убраться с этого поезда, если хотите остаться в живых, – замечает женщина с ножом.

– Пожалуйста, – просит Сюзан. У нее дрожат губы, а глаза наполняются слезами. – Мы сбежали... остальные погибли, и я не...

Она снова всхлипывает.

– Я не думаю, что смогу идти дальше, я...

У меня возникает странное желание постучаться головой о стену. Плач других людей меня сильно нервирует. Возможно, с моей стороны это эгоистично.

– Мы скрываемся от эрудитов, – объясняет Калев. – Если спрыгнем с поезда, им будет проще найти нас. Поэтому мы были бы очень признательны, если бы вы позволили нам проехать в город вместе с вами.

– Да ну? – фыркает Эдвард. – А что хорошего вы для нас делали хоть когда-нибудь?

– Я тебе помогла, когда не помог никто другой, – говорю я. – Помнишь?

– Ты, возможно. А остальные? – спрашивает Эдвард. – Не слишком-то.

Тобиас делает шаг вперед, так что пистолет Эдварда почти упирается ему в горло.

– Меня зовут Тобиас Итон, – произносит он. – Не думаю, что ты захочешь столкнуться со мной с поезда.

Эффект от его имени мгновенный и ошеломляющий. Все моментально опускают оружие и многозначительно переглядываются.

– Итон? Правда? – приподняв брови, переспрашивает Эдвард. – Признаться, не ожидал. Он прокашливается.

– Хорошо, оставайся в вагоне. Но, когда мы въедем в город, тебе придется отправиться с нами.

Он слегка улыбается.

– Мы кое-кого знаем, кто тебя ищет, Тобиас Итон.

Тобиас и я сидим у края вагона, свесив ноги наружу.

– Ты знаешь, кто это?

Тобиас кивает.

– И кто же?

– Сложно объяснить, – отвечает он. – Мне еще очень многое надо тебе рассказать.

Я приваливаюсь к нему.

– Ага. И мне тоже.

Я не знаю, сколько времени проходит прежде, чем нам говорят, что пора спрыгивать. Мы понимаем, что находимся в той части города, где живут бесфракционники. В паре километров от того места, где я выросла. Я вспоминаю дома, мимо которых ходила, если опаздывала на автобус в школу. Один – с раскрошившимися кирпичами. К другому привалился упавший уличный фонарь.

Мы стоим у двери вагона, выстроившись в ряд, все четверо. Сюзан хнычет.

– Что, если мы покалечимся? – спрашивает она.

Я хватаю ее за руку.

– Давай вместе. Я и ты. Я делала это дюжину раз, и, как видишь, в полном порядке.

Она кивает и сжимает мои пальцы, сильно, до боли.

– На счет «три». Раз. Два. *Три*.

Я прыгаю и выдергиваю ее следом за собой. Со стуком приземляюсь на ноги и бегу дальше, по инерции, но Сьюзан падает набок и катится по асфальту. Кроме ссадины на коленке, она, похоже, в норме. Другие справляются без проблем, даже Калев, который проделывал такое лишь раз.

Непонятно, кто среди бесфракционников знает Тобиаса. Может, Дрю или Молли, которые завалили инициацию в Лихачестве, но они даже не имеют представления о его настоящем имени. Кроме того, вероятно, Эдвард уже убил их, судя по тому, как он был готов пристрелить нас. Кто-то из альтруистов или из школы.

Сьюзан потихоньку успокаивается. Она бредет рядом с Калевом, слезы на ее щеках высохли.

Тобиас, идущий позади, слегка касается моего плеча.

– Я уже давно его не осматривал, – говорит он. – Как с ним дела?

– Хорошо. К счастью, я захватила обезболивающее, – отвечаю я. Так здорово поговорить о чем-то положительном. Хотя бы о том, как заживает рана. – Но не думаю, что использовала здравый смысл. Я периодически пользуюсь этой рукой, и случалось, падала прямо на плечо.

– Когда все закончится, времени, чтобы зажить, будет достаточно.

– Ага, – отвечаю я. – *Или уже не будет иметь значения, поскольку я буду мертва*, – добавляю я мысленно.

– Вот, – говорит он, доставая из заднего кармана небольшой нож и отдавая его мне. – На всякий случай.

Я убираю нож в карман. Теперь я чувствую себя еще более нервно.

Бесфракционники ведут нас по улице, а потом сворачивают в мрачный переулок, где пахнет отбросами. Крысы пищат и в ужасе разбегаются у нас из-под ног. Я вижу лишь их хвосты, исчезающие между кучами мусора, пустыми мусорными баками и сырыми картонными коробками. Я дышу ртом, чтобы меня не стошнило.

Эдвард останавливается рядом с полуразвалившимся кирпичным домом и с трудом открывает железную дверь. Я вздрагиваю, инстинктивно ожидая, что здание рухнет, если он потянет ручку слишком сильно. Окна покрыты таким слоем грязи, что почти не пропускают свет. Мы идем следом за Эдвардом в комнату с мокрыми стенами. В мерцающем свете фонарика я вижу... людей.

Они сидят на скатанных постелях, копаются в открытых банках с едой или пьют воду из бутылок. Дети в одежде всех цветов снуют между взрослыми. Дети бесфракционников.

Мы на их складе. Бесфракционники, которые должны были бы жить по отдельности, хаотично, безо всякого общественного устройства... они здесь вместе. Настоящая *фракция*.

Увиденное меня поражает. Они совершенно нормальны. Не дерутся. Не избегают друг друга. Некоторые шутят, другие тихо переговариваются. Но постепенно осознают, что здесь находятся чужие, которых тут быть не должно.

– Пойдем, – говорит Эдвард, маня нас пальцем. – Она там.

Мы продвигаемся в глубь дома, вроде бы заброшенного, и нас встречают молчанием и внимательными взглядами. Наконец, я не сдерживаюсь и задаю мучающий меня вопрос:

– Что здесь происходит? Почему вы здесь вместе?

– Ты думала, они... мы разобщены? – через плечо бросает Эдвард. – Да, так было долгое время. Все слишком голодали, чтобы интересоваться чем-то, кроме поиска еды. Но, когда Сухари начали давать им продукты, одежду, инструмент и все такое, они стали сильнее. Начали выживать. Они уже были такими, когда я пришел к ним, и приняли меня.

Мы выходим в темный коридор. Я чувствую себя здесь как дома. Темнота и тишина напоминают тоннели Лихачества. А вот Тобиас начинает медленно наматывать и стаскивать с пальца нитку из своей рубашки. Он понимает, к кому мы идем. А я – даже не имею представле-

ния. Как же получается, что я так мало знаю о парне, который сказал, что любит меня? Парне, чье настоящее имя обладает такой силой, что оставляет нас живыми в вагоне, полном врагов.

Эдвард доходит до металлической двери и стучит в нее кулаком.

– Подожди, ты сказал, они стали выжидать? – спрашивает Калев. – А чего *именно* они ждали?

– Когда мир начнет разваливаться на части, – отвечает Эдвард. – Что сейчас и происходит.

В проеме появляется сурового вида женщина с помутневшим глазом. Другим, здоровым – она оглядывает всех нас.

– Бродяги? – спрашивает она.

– Не совсем, Тереза, – отвечает Эдвард, показывая большим пальцем через плечо. – Вот это – Тобиас Итон.

Тереза пару секунд смотрит на Тобиаса и кивает:

– Точно, он. Подожди.

Она захлопывает дверь. Тобиас судорожно сглатывает, его кадык прыгает.

– Ты знаешь, кого она должна позвать? – спрашивает Калев у Тобиаса.

– Калев, будь добр, заткнись, – отвечает он.

К моему удивлению, брат подавляет свое врожденное любопытство, приведшее его к эрудитам.

Дверь снова открывается, и Тереза отходит в сторону, пропуская нас внутрь. Мы входим в бывшую бойлерную, из всех стен торчат трубы и механизмы. Это настолько неожиданно, что я сразу ударяюсь локтями и коленями. Тереза ведет нас через лабиринт из железных конструкций в противоположный конец помещения, где над столом с потолка свисают несколько лампочек.

У стола стоит женщина средних лет. У нее выющиеся черные волосы и оливковая кожа. Ее лицо жесткое и угловатое, почти что некрасивое.

Тобиас сжимает мою руку. В это мгновение я понимаю, что у него и у женщины носы одинаковой формы. На ее лице он кажется слишком крючковатым и длинным, но совершенно нормален для мужских черт. Я замечаю и другое сходство. Такая же мощная нижняя челюсть, выразительный подбородок, приподнятая верхняя губа, торчащие уши. Только глаза у нее не голубые, а темные, почти черные.

– Эвелин, – говорит он. Его голос немного дрожит.

Эвелин – имя жены Маркуса, матери Тобиаса. Я отпускаю его руку. Всего несколько дней назад я вспоминала ее *похороны*. А теперь она стоит передо мной, и ее взгляд холоднее, чем у любой другой женщины из Альтруизма, которых я когда-либо видела.

– Привет, – говорит она, обходя стол. – Ты выглядишь старше.

– Да, еще бы. С течением времени это со всеми случается.

Он знал, что она жива. Как давно он это выяснил?

– Ты наконец-то пришел... – с улыбкой начинает она.

– Не по той причине, о которой ты думаешь, – перебивает он. – Мы бежали от эрудитов, и единственным шансом на успех было сказать твоим кое-как вооруженным лакеям свое имя.

Должно быть, она его злит. Но я не могу отделаться от одной мысли. Знай я, что моя мама жива, – я не стала бы с ней разговаривать так, как сейчас говорит со своей матерью Тобиас. Независимо от того, что она мне сделала.

Мне становится больно. Я пытаюсь выбросить все лишнее из головы и сосредоточиться на происходящем. На столе лежит большая карта, покрытая непонятными отметками. Очевидно, карта города. На стене висит доска, на которой расчерчена таблица. Но я не могу разобраться, что в ней, она сделана стенографией, которой я не знаю.

– Хорошо, – продолжая улыбаться, говорит Эвелин, но уже без прежнего оттенка веселья во взгляде. – Тогда представь мне твоих товарищей-беженцев.

Ее взгляд падает на наши руки, которые соединены вместе. Тобиас мгновенно разжимает пальцы. Сначала он показывает на меня.

– Трис Прайор. Кaleb, ее брат. Их друг, Сюзан Блэк.

– Прайор, – говорит она. – Знала я нескольких Прайоров, но Трис среди них не было. А вот Беатрис...

– Ну, я тоже знаю нескольких Итонов, тех, что в живых, но среди них нет Эвелин, – отвечаю я.

– Я предпочитаю называть себя Эвелин Джонсон. Особенно среди альтруистов.

– А я предпочитаю называть себя Трис, – отвечаю я. – И мы не альтруисты. По крайней мере не все.

Эвелин многозначительно глядит на Тобиаса.

– Интересные у тебя друзья.

– Это перепись населения? – спрашивает Кaleb, стоящий у меня за спиной, и выходит вперед с открытым ртом. – А... это? Убежища бесфракционников?

Он показывает на первую строку таблицы, где написано «7.....У Б».

– В смысле точки на карте? Убежища, ну, как это правильно сказать?

– Слишком много вопросов, – отвечает Эвелин, выгибая бровь. Знакомая мимика. Как у Тобиаса. Как и нелюбовь отвечать на вопросы. – Из соображений безопасности я промолчу. В любом случае пора ужинать.

Она показывает на дверь. Сюзан и Кaleb идут первыми, следом – я, Тобиас и его мать – последние. Мы снова попадаем в лабиринт, заполненный механизмами.

– Я не дура, – тихо говорит она. – Я знаю, ты не хочешь иметь со мной ничего общего, хотя до сих пор и не понимаю, почему...

Тобиас хмыкает.

– Но, – продолжает она, – мое приглашение остается в силе. Мы можем воспользоваться твоей помощью здесь, кроме того, я в курсе, как ты относишься к системе фракций...

– Эвелин, я выбрал Лихачество, – говорит Тобиас.

– Выбор всегда можно сделать заново.

– Что дает тебе основание думать, что мне хочется провести жизнь рядом с *тобой*? – жестко спрашивает он. Я слышу, что он останавливается, и тоже притормаживаю.

– Я твоя мать, – отвечает она, и ее голос едва не срывается. Она, оказывается, может быть очень уязвима. – А ты – мой сын.

– Ты действительно не понимаешь, – говорит он. – Ты и малейшего представления не имеешь, что ты сделала по отношению ко мне.

Он почти шепчет.

– Я не хочу вступать в твою жалкую шайку бесфракционников. И хочу выбраться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

– Моя *жалкая* шайка вдвое превосходит в численности лихачей, – отвечает Эвелин. – Тебе бы лучше принять ее всерьез. Наши действия могут определить будущее этого города.

И она перегоняет меня. Ее слова застревают у меня в ушах. *Вдвое превосходит в численности лихачей.* Когда их стало так много?

Тобиас глядит на меня, насупившись.

– Как давно ты узнал? – спрашиваю я.

– Около года назад, – отвечает он, приваливаясь к стене и закрывая глаза. – Она отправила зашифрованное послание лихачам. Мне. Назначила встречу в депо. Я пришел, поскольку было любопытно. Встретил ее. Живую. Это не стало счастливым воссоединением, как ты уже могла понять.

– Почему же она покинула Альтруизм?

– У нее был роман на стороне, – качая головой, поясняет он. – Ничего странного, с тех пор, как мой отец...

Он снова качает головой.

– Ну, скажем так, Маркус обращался с ней ничуть не лучше, чем со мной.

– И... поэтому ты на нее зол? Потому, что она была неверна ему?

– Нет, – очень жестко отвечает он, открывая глаза. – Нет, я зол не поэтому.

Я подхожу к нему осторожно, как к дикому зверю, аккуратно ставя ноги на бетонный пол.

– А почему?

– Она должна была уйти от моего отца, это я понимаю, – говорит он. – Но почему она не подумала о том, чтобы забрать с собой меня?

Я морщусь.

– Она оставила тебя с *ним*.

Бросила в худшем из кошмаров. Неудивительно, что Тобиас ее ненавидит.

– Ага, – отвечает он, топая ногой. – Именно так.

Я нащупываю его пальцы, и он сплетает их с моими. Понимаю, что задала достаточно вопросов, и не нарушаю молчания. Он заговаривает первым.

– Похоже, что бесфракционников лучше иметь друзьями, чем врагами, – говорит он.

– Возможно. Но какова будет цена этой дружбы? – отвечаю я.

Он качает головой:

– Не представляю. Но, возможно, у нас нет выбора.

Глава 9

Один из бесфракционников разводит огонь, чтобы мы могли разогреть еду. Те, кто хочет поесть, собираются вокруг большой металлической чаши, в которой и развели огонь. Разогревают банки с едой, а потом их передают по кругу, вместе с ложками и вилками, чтобы каждый мог взять по кусочку. Я стараюсь не думать о том, сколько разной заразы может распространяться таким способом, и опускаю ложку в банку с супом.

Эдвард плюхается на землю рядом и принимает у меня жестянку с супом.

– Значит, вы все из Альтруизма, а? – спрашивает он, вылавливая несколько лапшичек и кусок морковки. Засовывает их в рот и передает банку женщине, сидящей слева.

– Были, – уточняю я. – Тобиас и я перешли, сам понимаешь, и...

Внезапно я понимаю – не стоит упоминать о том, что Калев перешел в Эрудицию.

– А Калев и Сьюзан – все еще альтруисты, да.

– И он твой брат. Калев, – говорит он. – Бросила семью, чтобы уйти в Лихачество?

– Ты говоришь, как настоящий правдолюб, – раздраженно отвечаю я. – Не оставишь свое мнение при себе?

– На самом деле сначала он был эрудитом. А не правдолюбом, – замечает Тереза, наклоняясь к нам.

– Ага, я знаю. Я...

– И я тоже, – перебивает она меня. – Но пришлось уйти.

– Что случилось?

– Умишка не хватило, – отвечает она, беря у Эдварда банку с бобами и засовывая в нее ложку. – Получила недостаточно высокую оценку в тесте интеллекта во время инициации. «Будешь всю жизнь мыть полы в лаборатории, – сказали они. – Или можешь убираться отсюда». Я решила уйти.

Глядя на ложку, она вылизывает ее дочиста. Я беру у нее бобы и передаю Тобиасу, который смотрит на огонь.

– И много тут у вас из Эрудиции? – спрашиваю я.

Тереза качает головой.

– Большинство из Лихачества, на самом деле, – отвечает она, кивая в сторону Эдварда, который кривится, слыша эти слова. – Потом – Эрудиция, Правдолюбие, немного из Товарищества. В Альтруизме инициацию никто не заваливает, так что их очень мало, кроме тех, кто выжил после симуляционной атаки и присоединился к нам как беженцы.

– Почему-то ситуация с лихачами меня не удивляет, – говорю я.

– Ну да. У вас – одна из самых жестких инициаций, и вся эта штука с возрастом.

– Какая штука с возрастом? – спрашиваю я и гляжу на Тобиаса. Он прислушивается к нашему разговору и выглядит почти нормально. Он задумчив, синие глаза отблескивают в свете огня.

– Когда лихач достигает определенного уровня упадка физических сил, ему предлагают уйти, – отвечает он. – Тем или иным способом.

– Каков же второй? – спрашиваю я. Мое сердце колотится, будто я уже знаю ответ, но не могу себе признаться.

– Скажем так, для некоторых смерть лучше, чем бесфракционники, – отвечает Тобиас.

– Идиоты, – усмехается Эдвард. – Я лучше буду бесфракционником, чем лихачом.

– Значит, тебе повезло, если ты оказался здесь, – холодно отвечает Тобиас.

– Повезло? – хмыкает Эдвард. – Ага, с одним глазом остаться и все прочее.

– Припоминаю, ходили слухи о том, что ты сам спровоцировал нападение, – говорит Тобиас.

– О чем ты? – возражаю я. – Он был лучшим, вот и все, а Питер ему завидовал, и просто... Я замечаю на лице Эдварда кривую усмешку и замолкаю. Возможно, я не в курсе всех фактов.

– Был один случай, – продолжает Эдвард. – Питер не победил. Но это не оправдывает удара в глаз ножом для масла.

– Тут спорить не о чем, – говорит Тобиас. – Если тебе от этого легче будет, знай, его ранили в руку во время симуляционной атаки, в упор.

Разговор явно доставляет Эдварду удовольствие, его ухмылка становится еще шире.

– И кто это сделал? – спрашивает он. – Ты?

– Трис, – качая головой, отвечает Тобиас.

– Молодец, – говорит Эдвард.

Я киваю, но мне не слишком-то приятно получать поздравления за такое.

Ну, не *настолько* неприятно, в конце концов, это же был Питер.

Я смотрю на огонь, пожирающий куски дерева. Языки пламени колеблются и движутся, как и мои мысли. Я вспоминаю, что ни разу не видела пожилых лихачей. Мой отец не мог подняться по тропам Ямы, потому что был слишком стар. Я осознаю больше, чем хотелось бы.

– Насколько хорошо ты знаешь текущую ситуацию? – спрашивает Эдварда Тобиас. – Все ли лихачи переметнулись к эрудитам? Что делают правдолюбы?

– Лихачи разделились примерно пополам, – отвечает Эдвард, продолжая жевать. – Часть – в районе Эрудиции, другая – у правдолюбов. Те из альтруистов, что выжили, – с нами. Больше пока ничего не произошло. Кроме того, что, как понимаю, случилось с вами.

Тобиас кивает. Я чувствую облегчение от того, что по крайней мере половина лихачей не стала предателями.

Ем ложку за ложкой, пока мой желудок не наполняется. Потом Тобиас отыскивает нам тюфяки и одеяла, и мы укладываемся, найдя свободное место. Когда он наклоняется, чтобы развязать ботинки, я вижу на его поясице татуировку с символом Товарищества. Ветви изгибаются по обе стороны позвоночника. Когда он выпрямляется, я перешагиваю через одеяла и обнимаю его за талию, поглаживая татуировку пальцами.

Тобиас закрывает глаза. Надеюсь, что неверный свет огня дает нам достаточно уединения, я провожу руками по его спине, касаясь каждой из татуировок. Представляю себе глаз, символ Эрудиции, наклоненные весы Правдолюбия, сложенные руки Альтруизма и огненные языки Лихачества. Другой рукой нахожу вытатуированное пламя у него на груди. Он тяжело дышит, я чувствую это щекой.

– Хорошо было бы нам остаться наедине, – мечтательно говорит он.

– И я этого хочу, – отвечаю я.

Под шум разговоров я постепенно проваливаюсь в сон. Сейчас мне легче заснуть, если вокруг есть какой-нибудь шум. Я могу сосредоточиться на звуках, и отвлечься от мыслей, которые заполняют мою голову в тишине. Возня вокруг – спасение для осиротевших и виноватых.

Я просыпаюсь, когда от огня остаются едва светящиеся угли. Бодрствуют лишь немногие из бесфракционников. Пару секунд я пытаюсь понять, что случилось. И слышу голоса Эвелин и Тобиаса меньше чем в метре от меня. Лежу неподвижно, надеюсь, что они не обратят на меня внимания.

– Ты должна рассказать мне, что тут происходит, если хочешь, чтобы я захотел помочь тебе, – говорит он. – Хотя до сих пор и не представляю, зачем я тебе вообще нужен.

Я вижу на стене тень Эвелин, дрожащую в такт пламени. Она худощавая и сильная, как Тобиас. Она запускает пальцы в волосы, начиная говорить.

– Что именно ты хочешь знать, конкретно?

– Расскажи про таблицу.

– Твой друг прав. На карте и в таблице перечислены и указаны наши убежища, – отвечает она. – Не прав он насчет переписи населения... до некоторой степени. Цифры отражают не все количество бесфракционников. Только определенных людей. Думаю, ты догадываешься, каких именно.

– У меня сейчас нет настроения решать задачи.

Она вздыхает.

– Дивергентов. Мы ведем подсчет дивергентов.

– Как вы их определяете?

– До атаки в рамках помощи, которую оказывали нам альтруисты, было проведено тестирование бесфракционников на определенную генетическую аномалию, – отвечает она. – В рамках исследования заново проводился тест на проверку склонности. Иногда были проверки и посложнее. Но они подтвердили факт, что среди нас самая большая группа дивергентов в городе.

– Я не понимаю. Почему...

– Почему среди бесфракционников больше всего дивергентов?

Она усмехается.

– Совершенно очевидно, те, кто не может ограничить себя строго определенным образом жизни и мышления, чаще всего покидают фракцию или проваливают инициацию, так?

– Дело в другом, – говорит он. – Я хотел понять, почему *тебя* беспокоит, сколько тут дивергентов.

– Эрудитам нужна армия. Временно они обрели ее в виде лихачей. Теперь им нужно еще больше, и мы – очевидное место поисков, пока они не выяснили, насколько много у нас дивергентов. В том случае, если они еще этого не сделали, я хочу знать, сколько у нас людей, способных противостоять симуляциям.

– Откровенно, – говорит он. – А зачем было искать дивергентов альтруистам? Ведь не для того, чтобы помочь Джанин, так?

– Конечно, нет, – отвечает она. – Но пока я точно не знаю. Альтруисты неохотно делились информацией, если в их глазах это выглядело лишь удовлетворением любопытства. Они говорили нам ровно столько, сколько считали необходимым.

– Странно, – говорит Тобиас.

– Возможно, тебе следует спросить твоего отца, – замечает она. – Ведь именно он сказал мне про тебя.

– Про меня, – повторяет Тобиас. – Что?

– Он подозревает, что ты дивергент, – отвечает она. – Он все время следил за тобой. Подмечал особенности твоего поведения. Был очень внимателен. Именно поэтому... именно поэтому я думала, что с ним ты будешь в безопасности. В большей, чем со мной.

Тобиас ничего не отвечает на это.

– А теперь вижу, что была не права.

Он продолжает молчать.

– Хотела бы я... – начинает она.

– Не смей даже пытаться извиниться, – дрожащим голосом говорит он. – Это не то, что можно поправить одной-двумя фразами и объятиями или чем-то в этом роде.

– Хорошо, не буду, – кивает она.

– Зачем бесфракционники объединяются? – спрашивает он. – Что ты собираешься делать?

– Мы хотим свергнуть эрудитов, – отвечает Эвелин. – Когда мы от них избавимся, ничто не остановит нас на пути к власти в правительстве.

– Так вот в чем тебе нужна моя помощь. Свергнуть продажное правительство и установить тиранию бесфракционников.

Он хмыкает.

– Без вариантов.

– Мы не хотим становиться тиранами, – отвечает она. – Мы построим новое общество. Без фракций.

У меня пересыхает во рту. Без фракций? Мир, в котором никто не знает, кто он такой и что ему лучше подходит? Такого я себе даже представить не могу. Для меня это означает лишь хаос и взаимное отчуждение.

Тобиас усмехается.

– Хорошо. Так как ты хочешь свергнуть эрудитов?

– Иногда радикальные перемены требуют радикальных мер.

Тень Эвелин приподнимает плечо.

– Я понимаю, такое потребует серьезных разрушений.

Я вздрагиваю. Где-то, в темной части моей личности, я приветствую разрушение, если уничтожат будут эрудитов. Но сейчас это слово обретает для меня новое значение. Теперь я знаю, как это выглядит. Тела в серых одеждах, лежащие на тротуарах. Лидеры Альтруизма, которых убивают прямо на лужайках перед их домами, рядом с почтовыми ящиками. Я вжимаюсь лицом в тюфяк так, что лбу становится больно. Чтобы избавиться от воспоминаний. *Избавиться.*

– Вот для чего ты нам нужен, – говорит Эвелин. – Чтобы сделать это, необходима помощь лихачей. У них есть оружие и боевой опыт. А ты сможешь закрыть пропасть между ними и нами.

– Ты считаешь, я важный человек среди лихачей? Ты ошибаешься. Я – просто человек, который мало чего боится.

– Я полагаю, ты *стал* важным человеком среди них, – отвечает Эвелин. Она встает, и ее тень протягивается от пола до потолка. – И уверена, ты найдешь способ это сделать, если пожелаешь. Подумай.

Она откидывает назад вьющиеся волосы и завязывает их в узел.

– Двери открыты всегда.

Спустя пару минут он снова ложится рядом со мной. Я не желаю признаваться, что подслушивала, но очень хочу сказать ему одну вещь. Я не верю Эвелин, бесфракционникам и любому другому человеку, который так непринужденно говорит об уничтожении целой фракции.

Но прежде, чем я набираюсь смелости заговорить, его дыхание становится медленным и ровным. Он засыпает.

Глава 10

Я провожу рукой по шее, чтобы приподнять прилипшие волосы. Все тело болит, особенно ноги, которые просто жжет, даже когда я не шевелюсь. И пахну я не слишком приятно. Мне бы помыться.

Я выхожу в коридор и ищу душевую. Оказываюсь не единственной, у кого возникло такое желание. У душевых стоят несколько женщин. Половина из них обнажена, но остальных это совершенно не волнует. Найдя свободное место в углу, я сую голову под кран и стою под потоком холодной воды.

– Привет, – радуется мне Сюзан. Я поворачиваюсь в сторону. Вода течет по носу и щекам. Она приносит два полотенца, белое и серое, с обтрепанными краями.

– Привет, – отвечаю я.

– У меня есть идея, – говорит она. Поворачивается ко мне спиной и расставляет руки в стороны, держа полотенце и тем самым отгораживая меня от остальных. Я вздыхаю с облегчением. Уединение. Хотя какое-то, насколько здесь возможно.

Я быстро раздеваюсь и хватаю кусок мыла, лежащий на полке.

– Как ты? – спрашивает она.

– Нормально, – отвечаю я, зная, что она спрашивает лишь потому, что так требуют правила, установленные в Альтруизме. Как бы мне хотелось, чтобы она говорила со мной свободно, без оглядки на правила. – А ты, Сюзан?

– Лучше. Тереза сказала, что в убежищах бесфракционников теперь живет большая группа из Альтруизма, – говорит Сюзан. Я намыливаю голову.

– А-а, – отвечаю я. Снова сую голову под струю воды и тру волосы левой рукой, чтобы вспенить мыло. – Ты собираешься к ним?

– Да, – отвечает Сюзан. – Если тебе не нужна моя помощь.

– Спасибо за предложение, но, думаю, твоя фракция сейчас нуждается в тебе больше, – говорю я, закрывая кран. Хорошо бы, еще не надо было одеваться. Слишком жарко для джинсовых штанов. Но я хватаю с пола другое полотенце и спешно вытираюсь.

Надеваю красную рубашку. Очень не хочется снова носить что-то грязное, но у меня нет выбора.

– Думаю, что у некоторых женщин из бесфракционников есть запасная одежда, – говорит Сюзан.

– Может, ты и права. Хорошо, теперь твоя очередь.

Я стою с полотенцем в руках, пока Сюзан моется. Через некоторое время руки начинают болеть, но она не обращала внимания на свою боль ради меня, значит, я сделаю для нее то же самое. Когда она принимается за волосы, вода брызжет мне на ноги.

– Никогда бы не подумала, что мы окажемся вместе в такой ситуации, – замечаю я. – Болтать в общем душе заброшенного дома, спасаясь от эрудитов.

– Я считала, мы будем жить рядом, – отвечает Сюзан. – Ходить вместе на общественные мероприятия. Вместе провожать детей до автобуса.

Я прикусываю губу. Это моя вина, что такого никогда не произойдет. Потому, что я выбрала другую фракцию.

– Извини, не хотела заводить об этом речь, – говорит она. – Просто жалко, что я не обращала достаточно внимания на твою жизнь. Если бы я так делала, возможно, я б лучше знала, что происходит внутри тебя. Я вела себя эгоистично.

Я усмехаюсь.

– Сюзан, в твоём поведении нет ничего плохого.

– Все, – говорит она. – Не дашь полотенце?

Закрыв глаза, я поворачиваюсь, чтобы она взяла полотенце из моих рук. Когда в душевую входит Тереза, заплетая волосы в косу, Сьюзан спрашивает ее насчет запасной одежды.

Когда мы, наконец, выходим, на мне джинсы и черная рубашка, такая свободная, что едва не сваливается с плеч. На Сьюзан свободные брюки и белая рубашка Правдолюбия с воротничком. Она застегивает ее под горло. Скромность Альтруизма доходит до полного пренебрежения комфортом.

Когда я снова оказываюсь в большой комнате, некоторые бесфракционники выходят оттуда с ведерками краски и кистями. Я провожаю их взглядом.

– Они напишут послание для остальных убежищ, – говорит Эвелин, которая стоит позади меня. – На одной из досок. Коды базируются на личной информации, типа любимого цвета, имени домашнего питомца в детстве и тому подобного.

Я не понимаю, почему она решила сказать что-то о кодах бесфракционников именно мне, пока не поворачиваюсь. У нее в глазах то же самое выражение, что было у Джанин, когда та сказала, что разработала сыворотку, которая подчинит его. Гордость.

– Умно, – говорю я. – Твоя идея?

– На самом деле, да, – пожимает плечами она. Но меня не обманешь. Она только пытается выглядеть безразличной. – Я перешла в Альтруизм из Эрудиции.

– Ого, – удивляюсь я. – Не поспевала за бурной жизнью академии?

– Вроде того, – отвечает она. Приманка пролетела мимо.

– Думаю, твой отец сделал это по такой же причине, – говорит она после паузы.

Я уже готова уйти, закончив разговор, но ее слова сдавливают мне голову, будто Эвелин выжимает мне мозги руками. Я непонимающе гляжу на нее.

– Ты не знала? – нахмурившись, спрашивает она. – Извини. Я забыла, члены фракций редко обсуждают вопрос о переходе.

– Что? – срывающимся голосом кричу я.

– Твой отец родился в Эрудиции, – говорит она. – Его родители дружили с родителями Джанин Мэтьюз, когда были живы. Твой отец и Джанин вместе играли, будучи детьми. В школе я видела, как они обменивались книгами.

Я представляю себе моего отца, взрослого мужчину, непринужденно сидящего рядом с Джанин, взрослой женщиной, за столом в кафетерии. Сама мысль кажется мне такой абсурдной, что я хмыкаю и почти смеюсь. Это не может быть правдой.

За одним исключением. Он никогда не рассказывал мне о родителях и о своем детстве.

И у него не было такого спокойного характера, который бывает у выросших в Альтруизме.

А его ненависть к Эрудиции – слишком неистова. Должны быть *личные* мотивы.

– Извини, Беатрис, – говорит Эвелин. – Я не собиралась бередить тебе свежие раны.

– Именно это ты сделала, – нахмурившись, отвечаю я.

– Что ты имеешь в виду...

– Слушай меня внимательно, – говорю я тихо. Гляжу поверх ее плеча, чтобы убедиться, что нас не услышит Тобиас. Но вижу там лишь сидящих в углу Калеба и Сьюзан, передающих друг другу туда-сюда банку с арахисовым маслом. Тобиаса нет. – Я не дура, – продолжаю я. – Я вижу, ты просто хочешь его использовать. И я скажу ему об этом, если он сам уже не догадался.

– Дорогая моя девочка, я – член его семьи, – отвечает она. – Я – навсегда. А ты – явление временное.

– Ага, – говорю я. – Мама его бросила, папа бил. Как он может *не хранить* верность такой чудесной семье?

Я ухожу. Мои руки трясутся. Я сажусь на пол рядом с Калемом. Сьюзан уже на другом конце комнаты, помогает убираться бесфракционнику. Он дает мне банку с арахисовым маслом. Я вспоминаю ряды кустов арахиса в теплицах Товарищества. В нем много жиров и бел-

ков, а это важно, особенно – для бесфракционников. Я зачерпываю немного масла пальцем и слизываю.

Следует ли мне рассказать ему то, что только что поведала Эвелин? Я не хочу давать ему повод думать, что Эрудиция – у него в крови. Я не собираюсь помогать ему вернуться к ним.

Пока что я оставляю эти сведения при себе.

– Мне надо с тобой кое о чем поговорить, – предлагает Кaleb.

Я киваю, продолжая слизывать арахисовое масло, теперь уже с неба.

– Сюзан хочет сходить к альтруистам, провести их, – говорит он. – Я тоже. А еще мне необходимо быть уверенным, что с ней ничего не случится. Но тебе нельзя быть здесь одной.

– Не проблема, – отвечаю я.

– Почему бы тебе не присоединиться к нам? – спрашивает он. – Альтруисты с радостью примут тебя обратно, я уверен.

Я также. В Альтруизме не копят обиды. Но я и так пребываю на краю пропасти отчаяния. Если вернусь в фракцию, к которой принадлежали мои родители, она меня поглотит.

Я качаю головой.

– Мне надо отправиться к правдолюбам и выяснить, что происходит, – заявляю я. – С ума сойду, если не узнаю.

Я с трудом улыбаюсь.

– Но ты иди, конечно. Ты поддержишь Сюзан. Ей сейчас вроде лучше, но ты ей все равно нужен.

– Хорошо, – соглашается Кaleb. – Ну, попытаюсь присоединиться к вам позже. Будь поосторожнее.

– Разве я не всегда такая?

– Нет, думаю, нормальное слово, которое тебе подходит всегда, это «безрассудная».

Он слегка сжимает мне здоровое плечо. Я отправляю в рот следующую порцию арахисового масла.

Из мужской душевой выходит Тобиас. Вместо красной рубашки Товарищества на нем черная футболка, а его короткие волосы блестят от воды. Наши взгляды встречаются, и я понимаю – пора в дорогу.

Район правдолюбов большой, как целый мир. По крайней мере кажется мне таким.

Они живут в большом бетонном здании, рядом с тем, что когда-то было рекой. Вывеска на здании сохранилась не полностью, остались буквы «MERC IS MART». Когда-то это было название «Merchandise Mart» – «Товарный супермаркет», но большинство людей называют его «Merciless Mart»¹, «Супермаркет Безжалостности». Поскольку правдолюбы беспощадны, хоть и честны. Самим им это прозвище, похоже, нравится.

Я не знаю, чего ждать, поскольку никогда здесь не была. Тобиас и я останавливаемся у входа и переглядываемся.

– Вот мы и на месте, – говорит он.

Я не вижу ничего, кроме своего отражения в стеклянных дверях. Я уставшая и грязная. Впервые мне приходит мысль, что мы ничего не должны были делать. Просто спрятаться у бесфракционников, и пусть другие со всем разбираются. Мы были бы никем, но вместе и в безопасности.

Он все еще не рассказал мне о своем ночном разговоре с матерью, и я не думаю, что собирается. Он так стремился попасть к правдолюбам, что я начинаю думать, не планирует ли он что-то втайне от меня.

¹ Игра слов. «Merciless Mart» (англ.) – дословно: рынок безжалостности.

И я вхожу в здание. Может, я решаю, что если уж мы так влипли, то надо выяснить, в чем дело. Я – дивергент, значит, я не ничтожество, и больше не может быть «безопасных» мест, и у меня есть другие дела в жизни, помимо того, чтобы играть в семью с Тобиасом. Очевидно, он согласится со мной.

Вестибюль просторный, хорошо освещенный, с полом из черного мрамора, тянущимся до самых лифтов. В центре на полу выложено кольцо из белых мраморных плит, внутри которого изображен символ Правдолюбия – наклонные весы, символизирующие то, что истина весит больше лжи. В вестибюле полно лихачей с оружием.

Одна лихачка с рукой на перевязи подходит к нам, держа пистолет перед собой и наставив его на Тобиаса.

– Назовите себя, – говорит девушка. Молодая, но не настолько, чтобы знать Тобиаса.

Следом подбираются остальные. Некоторые глядят на нас с подозрением, но большинство – с любопытством. Но в их глазах вспыхивает нечто еще более странное. Они узнают нас. Наверняка они встречали Тобиаса, но откуда догадались про меня?

– Четыре, – говорит Тобиас. – Трис, – кивает на меня. – Лихачи, оба.

У девушки расширяются глаза, но она не опускает оружие.

– Зачем вы здесь? – спрашивает она. Некоторые из лихачей выходят вперед, но осторожно, будто мы представляем для них опасность.

– А в чем проблема? – спрашивает Тобиас.

– Вы вооружены?

– Конечно, ведь я лихач или кто?

– Стоять, руки за голову, – поспешно говорит она, будто и не надеясь, что мы подчинимся. Я гляжу на Тобиаса. Почему все ведут себя так, будто мы сейчас на них набросимся?

– Мы вошли через главный вход, – медленно говорю я. – Думаете, мы бы это сделали, если бы хотели напасть на вас?

Тобиас не смотрит на меня. Касается пальцами затылка. Спустя секунду я делаю то же самое. Лихачи обступают нас. Один начинает обыскивать Тобиаса, с ног до головы, а другой вынимает пистолет, который был у него за поясом. Еще один, круглолицый парнишка с румяными щеками, извиняюще глядит на меня.

– У меня нож в заднем кармане, – произношу я. – Начнешь лапать – пожалеешь.

Он невнятно что-то бормочет, и одними пальцами вытаскивает нож за рукоятку, стараясь не касаться меня.

– Что происходит? – спрашивает Тобиас.

Девушка переглядывается с остальными.

– Извини, но нам приказали арестовать тебя сразу же, как ты появишься, – отвечает она.

Глава 11

Они окружают нас, но не связывают руки, и ведут к лифтам. Я несколько раз спрашиваю, за что нас арестовали, но никто даже не смотрит в мою сторону. Я сдаюсь и иду молча, как Тобиас.

Мы поднимаемся на третий этаж, где нас отводят в небольшую комнату с белым мраморным полом. В ней – никакой мебели, кроме скамейки у дальней стены. У каждой фракции есть комнаты, куда помещают тех, кто может причинить другим неприятности.

Дверь закрывают, щелкает замок. Мы снова одни.

Тобиас сидит на скамейке нахмурившись. Я хожу перед ним взад-вперед. Если он хочет сказать мне, зачем мы сюда пришли, то объяснит, так что я не спрашиваю. Пять шагов вперед, пять назад, в одном ритме. Будто я надеюсь, что движение поможет мне додуматься насчет чего-то.

Если эрудиты не взяли верх над правдолюбями, а Эдвард сказал нам именно это, то зачем правдолюбам нас арестовывать? Что мы им плохого сделали?

Если эрудиты еще *не взяли власть окончательно*, единственное возможное преступление – сговор с ними. Не сделала ли я чего-то такого, что можно истолковать как сговор? Я сильно прикусываю нижнюю губу. Я застрелила Уилла. И еще нескольких лихачей. Они были под воздействием симуляции, но правдолюбые или не в курсе, или не считают это оправданием.

– Ты не можешь успокоиться, а? – говорит Тобиас. – Ты мне нервы взвинчиваешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.